

ПОЛ КЛЕМЕНС

ЗАГОВОР БОГОВ

XX
I

«...роман соблазняет обманчивой доступностью и миролюбием темных сил. На самом же деле они являют собой абсолютно неуправляемую агрессию, восходящую до степени вселенской катастрофы...»

SURVEY OF THE BOOKS

Пол Клеменс

Заговор богов

Серия «Secret. Алтарь мировых тайн»

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6664936
Пол Клеменс. Заговор богов: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69627-7

Аннотация

По всему миру разбросаны шесть статуэток из магической коллекции племени умбара – Жрец, Мудрец, Колдун, Предок, Обезьяна, Оракул. Разрозненные, вне коллекции, статуэтки приносят своим хозяевам лишь беды и несчастья. Но если собрать все артефакты вместе, энергетика изменится на противоположную, станет позитивной и обладателя полной коллекции захлестнет волна невероятного везенья и счастья. Воссоединением всех статуэток занимается некая таинственная организация, возглавляемая могущественным Ангерлинком. Но для того чтобы добыть разбросанные по миру статуэтки, нужна неординарная, сильная личность. Выбор пал на 35-летнего художника из Варшавы Анджея Раковского...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	22
Глава 2	43
Глава 3	74
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Пол Клеменс

Заговор богов

Пролог

7 июля, 2010 г., 23:45

Перегон был длинным и муторным. Поезд «Euronight» плавно бежал по рельсам. За окном проносились мгlistые строения, пустые остановочные платформы, озаренные фонарями. Анджей Раковский – 35-летний темно-русый мужчина с подтянутой фигурой – украдкой посматривал на часы. Скоро полночь. Полтора часа назад прошли Познань, Вжесню. Уже без малого пятьдесят минут экспресс «Берлин – Варшава» несся по просторам центральной Польши, не делая остановок. Нервы натянулись до предела. Вагон шел полупустым. Изредка мимо купе проходил стюард, пару минут назад промелькнули двое мужчин, переговариваясь утробными голосами. Расписание было чертовски неудобным – поезд прибывал на станцию «Варшава Центральная» в два часа ночи. Но выбирать не приходилось – учитывая безумные события, приключившиеся в Берлине...

Он опять машинально уставился на стрелки циферблата. Они и не думали шевелиться! Минут через двадцать будет Кутно, там остановка на четверть часа, и прямой пролет до

Варшавы – сто двадцать километровых столбов... Анджей сидел на сравнительно мягкой полке. Сумка с загадочным предметом покоилась рядом – между ним и окном. От сумки исходили отрицательные вибрации, именно она служила причиной изматывающего страха. Всякий раз, когда он прикасался к ней, волосы на затылке вставали торчком и по коже пробегала противная дрожь. Чертовщина какая-то. Он сегодня точно не герой. Угрозило же влезть в такую скверную историю...

Анджей перехватил заинтересованный взгляд соседа по двухместному купе. Пассажир сел в Познани, взамен выбывшей матроны Магды Саповски, всю дорогу развлекавшей Анджея рассказами о том, как она отдыхала на Люцернском озере и сколько килограммов при этом сбросила. Тип, ее сменивший, тоже не отличался молчаливостью. Грузный, представительный. Хитровато поблескивали масляные глазки. Он утирал платком потеющие залысины и неумолчно ворковал. Представился паном Кажимежом Замойским, директором варшавского турагентства «Раффлезия». В Познань ездил по делам, торопится домой. Этому типу было невдомек, что у мрачного парня, сидящего напротив, отсутствует желание общаться. Ах, вы возвращаетесь из Берлина, пан Анджей? Какая прелесть, а в нашем агентстве как раз имеется содержательный тур по германской столице, включающий посещение Бранденбургских ворот и обломков той самой стены, что когда-то отделила Германию от Герма-

нии... А кем вы работаете? Вы художник? Не может быть, неужели в наше время существует такая профессия? Надо будет обязательно посмотреть про вас в Интернете... Ах, вы в свободные от хобби часы преподаете станковую живопись в Варшавской академии художеств, а сейчас находитесь в отпуске? А какой факультет, если не секрет? Замечательно, факультет живописи, как это мило. Ну, конечно, вы же сказали про станковую живопись. Она не имеет какого-то отношения к станковому пулемету, ха-ха?.. Кстати, примите поздравления, для человека, поднимающего только кисти, вы неплохо сложены... Замойский смеялся, давая понять, что он всего лишь шутит, но у Анджея абсолютно не было желания ему поддакивать. Вот уже несколько минут сосед молчал – видно, сообразил, что он тут лишний. Но все равно подозрительно, с хитринкой поглядывал на соседа, а когда тот убедился, что сумка по-прежнему при нем, отметил это, удивленно приподняв брови.

Да плевать, что этот тип о нем думает! Какое ему дело, что везет сосед? Наркотики, золото-серебро, оружие, стопку контрабандных гравюр Дюрера. Замойский – обычный пассажир, не подсадная утка. Он должен успокоиться, излишне он сегодня перегружен эмоциями... Но спокойствие не приходило. Поезд размеренно катил по едва заселенной местности (неужели трудно ехать быстрее?), страх не унимался, да еще этот любопытствующий взгляд... Анджей должен был пройтись. В коридор, в туалет, куда угодно. Он начал выби-

раться из-за столика. Машинально зацепил лямку сумки, повесил ее на плечо и под удивленным взглядом Замойского вывалился в проход.

Пару минут он стоял, прислонившись к поручню, смотрел на мелькающие фонари. От сумки исходило невнятное ЗЛО – он чувствовал его каждой клеточкой. В картонной коробке от французского коньяка притаился изощренный черт. Он, злобно хихикая, наматывал его нервы на кулак... Хлопнула дверь в конце вагона. Он вздрогнул. Раздались приглушенные голоса, но из тамбура, где отсутствовало освещение, никто не выходил. Он ненавидел себя за эту слабость! Что случилось? Почему этот страх сильнее его? Он оторвался от поручня и зашагал в противоположном направлении. Санузел был пуст – слава Иисусу! Анджей облегченно вздохнул, заперся, взгромоздил сумку на рукомойник и с ненавистью на нее воззрелся. От багажа продолжало исходить невнятное, но осязаемое ЗЛО. Нормальный мужчина под его воздействием превращался в половую тряпку. Да пошло оно! Он стащил сумку с рукомойника, бросил под ноги и затолкал ногой глубоко под раковину. Страх стал пропадать. Он приложил ухо к двери. В коридоре и в тамбуре было тихо. Угнетающая какая-то тишина. Пся крив! И что теперь, сидеть в туалете до Варшавы? А как насчет самоуважения?

Эта скверная история началась девять часов назад. Варшавский живописец Анджей Раковский действительно находился в отпуске. Весь июль был в его распоряжении. Девято-

го числа позвонил приятель Матеуш Рикс из Берлина – тоже увлекался рисунком, преподавал в Берлинском университете искусств – приглашал на камерную выставку современной живописи, проходящую в Берлинской академии художеств на Парижской площади. Мол, событие только для избранных. Обещал добыть билет – и вообще, почему бы не встретиться двум приятелям, разделенным хоть условной, но границей? К современному искусству Анджей относился со скепсисом, но почему бы не съездить в Берлин на пару дней? Выставку «живописи» он с трудом вынес, но в остальном все было на уровне. «Отлично провели время, приятель, – икая с похмелья, поведал Матеуш. – Носились, понимаешь, от бара к бару, как Гарри Поттер на метле», – и помчался в Шпандау к своей жене, имеющей касательно мужа резонные подозрения. Перед отбытием на родину Анджей не удержался от соблазна еще раз посетить Парижскую площадь, пройти по залам, сохранившимся еще со времен Прусской академии, ознакомился с пассажем резиденции богемы, поглазел на собрание бесспорной гениальной классики. Именно здесь, во дворце Арнима, принадлежавшем когда-то графу Арнима-Бойценбургу, он и испытал первые признаки беспокойства. Такое ощущение, что за ним украдкой наблюдали. Ощущение назойливое, на грани паранойи. Поезд с вокзала Остбанхоф уходил в 17:55 (прибытие в Варшаву – в полночь), он заторопился на вокзал. Но не успел удалиться с перегруженной туристами Парижской пло-

щади, как в кармане зазвонил телефон. Хотелось надеяться, что приятель Матеуш к этому безобразию не имел никакого отношения. А если имел, то когда-нибудь он поплатится!

– Пан Раковский? – пожилой незнакомый мужчина неплохо владел польским языком. Голос звучал размеренно, тихо и настойчиво. – Нам очень жаль, что вас побеспокоили, но рекомендую выслушать. Выйдите, пожалуйста, из толпы, ее гомон мешает нам понимать друг друга...

Его определенно с кем-то спутали. Или нет? Анджей Раковский, житель города Варшавы, адрес такой-то, прибыл в Берлин, гм, по делам по приглашению некоего Матеуша Рикса... Озадаченному живописцу предлагалось немедленно сесть в такси и навестить в восточном районе Марцан микрорайон Каулсдорф, дом по адресу Остенштрассе, 19. Номер квартиры прилагался. Инструкции простейшие – забрать то, что ему передадут, положить к себе в сумку – да, именно в эту, темно-синюю, с кожаной нашивкой под молнией – и привезти в Варшаву. В Варшаве груз заберут...

– Вы издеваетесь, милейший? – проворчал Анджей и отключил связь. Что за сумасшедший? Абонент перезвонил через шесть секунд и мягко пожурил:

– Больше так не делайте, пан Раковский. Вам же не нужны неприятности? Вы хорошо запомнили адрес? – абонент еще раз повторил координаты. – Положите груз в сумку и доставьте в Варшаву. К вам подойдет человек, осведомится, не вы ли привезли ему бутылочку доброго французско-

го «Готье», – и вы ему смело передадите груз. Вам нечего переживать, – собеседник усмехнулся, давая понять, что не обделен чувством юмора. – Это всего лишь французский коньяк, а не французский поцелуй, пан Раковский. Вес посылки не больше двух килограммов. Это не оружие, не наркотики, не другая запрещенная к перевозке вещь. Таможенники во Франкфурте-на-Одере ваш багаж осматривать не будут – совершенно точно. Удачи, пан Раковский. Да, забыл сказать. Первое: ваши безопасность и покой гарантируются. Вы проживете долгую и счастливую жизнь. На вашем счету в банке «Миллениум» завтра или послезавтра с удобством разместятся двадцать тысяч евро. Они же не лишние в вашем создавшемся положении?

В данный исторический период деньги Анджею Раковскому были не лишние. За последние полгода он не продал ни одной картины. А зарплаты в академии не хватало даже на поддержку штанов. Поездка в Берлин была чистой благотворительностью со стороны Матеуша. Но не любил Анджей сомнительные авантюры. И в глубине души считал себя законопослушным гражданином.

– Уважаемый, я не успею на поезд, – проворчал он.

– Успеете, – усмехнулся абонент. – До вашего поезда три часа. Вам нужно сделать лишь небольшой крюк. Поспешите, пока улицы Берлина не встали в пробках.

Страха еще не было. Но ощущение дискомфорта нарастало. Бред какой-то. Он медленно прошелся мимо остановки

такси, воровато поглядел через плечо и припустил к маршрутному автобусу, отходящему в район Тиргартен. В автобус шла посадка пассажиров. Он пристроился в конец очереди. Но не успел шагнуть в общей массе, как снова зазвонил телефон. Его толкали, он не замечал, угрюмо таращился на экран, по которому ползли крупные цифры. Анджей выбрался из очереди и побрел на стоянку такси. Телефон перестал звонить – как по волшебству...

Указанный район оказался памятником эпохи соцреализма. Типовые многоэтажные блоки, практически гетто, соединенные узкими проходами, арочными подворотнями. В квартиру на четвертом этаже его пустили сразу. Высунулся взъерошенный субъект с воспаленными глазами. Мужчину трясло, хотя он и силился казаться невозмутимым. Самое странное, что этот тип был трезв. По-видимому, ему описали внешность посетителя. Он стащил с антресоли коробку от благородного коньяка «Готье», сунул Анджею и без разговоров выставил за порог – вместе с коробкой. На физиономии хозяина квартиры отразилось невыразимое облегчение.

Коробка перекочевала в сумку. Возникло опасение, что в ней не коньяк. Довольно тяжелое угловатое изделие, обложенное бумагой или поролоном. Верхняя крышка коробки была туго обмотана скотчем. Раковский почувствовал сухость в горле, по коже поползли мурашки. Эта штука жгла руки! Он передернул плечами, помотал головой, но состояние растущего страха только усугубилось. Заглянуть в ко-

робку, не нарушая целостности упаковки, было невозможно.

Проклиная свою мягкотелость, Анджей выбирался из перехлестов подворотен, практически не встречая местных жителей. Откуда взялись эти двое? Вывернули навстречу – невзрачные, серые. Какая-то местная шелупонь – небритые, в бейсболках. Один, похоже, турок, другой белобрысый. Чернявый глянул исподтишка, когда до них осталось несколько метров; второй буркнул: «Это он» («первичных» знаний немецкого хватило понять элементарную фразу). Блеснул нож. Ну, всё, здравствуй, грусть! Нервы были напряжены, Анджей ударил первым, не дожидаясь разворота событий. Ногой по коленному суставу, а второму, когда приятель согнулся, – сорванной с плеча сумой! Схватил за ляжку и, особо не раскручивая, дал. Угловатый предмет, облаченный в нарядную упаковку, вписался точно в висок. Белобрысый рухнул на колени. Турок не выронил холодное оружие, бросился вперед на одной ноге, коряво выгибая пострадавшую. Но Анджей уже прыжками уносился прочь. Они помчались за ним, возмущенно сопя. Один обливался кровью, другой хромал, как убогий калека, что, впрочем, не сказывалось на темпе бега. Анджей юркнул в ближайшую подворотню и с колотящимся сердцем прижался к стене. Первым вылетел турок с искаженной рожей, запнулся о выставленную ногу, покатился. Второй лишь выпучил глаза – в него опять летела сумка! По тому же месту! Продолжать преследование они, естественно, не смогли.

Художник несясь быстрее ветра, выбежал в широкий проход между бетонными многоэтажками... и удрученно констатировал, что «хулиганов» было не двое. За спиной топали – явно здоровыми ногами. И навстречу выскочили двое. Чертыхаясь, Раковский метнулся в первую щель, завершившуюся тупиком! Оптимизм внушала пожарная лестница, вмурованная в бетон. Он забросил сумку за спину, запрыгал через ступени. Огнестрельного оружия у врага не было. Видно, установка была такая – работать под шпану с восточных окраин. Они хрипели, лезли за ним, а он выкатился на ровную площадку. Перегиб в стене здания, лестница дальше – еще на этаж. Но что-то щелкнуло в голове, он метнулся вправо – за выступ с зарешеченным промышленным вентилятором. Спрятался за ним. Трое или четверо взгромоздились на площадку. Пока они лезли, Анджей бы успел подняться выше. Эти олухи тоже так решили. Полезли дальше, подталкивая друг дружку. А едва они скрылись за перегибом козырька, Анджей пустился обратно, свалился с лестницы, шмыгнул в ближайшую арку. Нет уж, увольте, подобные приключения не по его части. Он должен жить, как морской еж – двести лет!

Больше приключений не было. За мусорными баками он отдышался, вышел на Остенштрассе, поймал такси. Груз, болтающийся за спиной, продолжал посылать в тело электрические импульсы... До поезда оставалось двадцать минут. Раковский уединился в сквере за вокзальной гостини-

цей, лихорадочно размышляя о случившемся. Потом разозлился, схватил телефон и, не вслушиваясь в доводы разума, набрал последний входящий номер. Сердце забилося, когда он услышал знакомый голос.

– Говорите, безопасно, мистер? – злобно зашипел он. – Вы уверены, что я проживу долгую и счастливую жизнь, не так ли?

– Пан Раковский? – неуверенно сказал абонент.

– О, как вы догадливы...

– Что-то случилось? – собеседник встревожился. – Вы уже покинули район Марцан? Груз при вас?

– Да... – Злость внезапно прошла, сменилась растерянностью и страхом. – Не знаю, как ваше имя, уважаемый...

– Зовите меня господином Альбрехтом.

– Это фамилия?

– Это имя. Постарайтесь успокоиться и внятно доложить.

Он слушал, не прерывая. Несколько раз крякнул, а когда заговорил, голос заметно сел.

– Нам жаль, пан Раковский, что так случилось. Это не было запланировано. Приносим извинения. Мы вам не враги. Если вас это утешит, то сумма, которую переведут на ваш счет, немного возрастет. Скажем, до 30 тысяч.

– Премного благодарен, господин Альбрехт, – усмехнулся Анджей. – Этого должно хватить и на похороны, и...

– Перестаньте, пан Раковский, – раздраженно сказал собеседник. – Рецидива не будет, обещаю. Дальше все пойдет

по плану. Вас будут опекать. Вам нечего бояться.

– Неужели? И я спокойно могу идти на поезд?

– Можете... – пожилой мужчина помедлил. – Лучше переформируйте билет на следующий рейс. Он будет через два часа. На всякий, как говорится, случай...

– Что я везу, мистер Альбрехт?

– Вам хочется посмотреть? – в голосе абонента зазвучали иронические нотки. Анджей смутился.

– Да, знаете, не очень...

– Уверен, что так и есть. Всего вам доброго.

Опекать они будут... Опекуны, чтоб их... И где они? Матрона из Познани, любительница швейцарских озер? Лоснящийся и потный Кажимеж Замойский? Не смешите мои тапочки. Впрочем, хоть в чем-то «господин Альбрехт» не подвел: во Франкфурте-на-Одере в вагон заглянул молодой служащий таможи, грустно посмотрел на матрону, на польского художника – и убрался, даже не глянув на документы. Шенген – какой-никакой...

Анджей вздрогнул – сработали тормозные колодки, и поезд начал неспешно притормаживать. А это еще зачем? И снова спина стала покрываться липким холодом. Поезд плавно замедлял ход – на перегоне, где должен нестись как угорелый. Находиться в туалете становилось как-то нелогично. Зачем он сюда приперся? Раковский вытащил сумку из-под рукомошника, взвалил за спину, чтобы руки оставались не заняты. И вышел в вагон.

И чуть не треснул по макушке худосочному малому, уже тянущемуся к ручке! Мужчина отшатнулся от неожиданности, Анджей тоже опешил. Надо же, сосед через купе... Оба сглотнули, нервно улыбнулись.

– Пшепрашем, пан... – пробормотали практически хором. Сосед посторонился, удивленно глянул на сумку, свисающую со спины пассажира. Разошлись, втянув животы. Анджей дождался, когда захлопнется дверь и сработает задвижка, медленно двинулся по пустому проходу. В вагоне было тихо. Моргали лампы в тусклых плафонах. Поблескивали панели, хромированное покрытие решеток обогревателей. Поезд замедлял ход. Фонари за окном едва тащились. Кончилась граница станции, за пределами поезда воцарилась тьма. Какие-то демоны выползали из щелей, струились, обтекали... Раковский разозлился – сколько можно ходить на поводу у страха? Он оттянул ручку своего купе, сунулся внутрь.

Директора турагентства Замойского на месте не было. В бистро ушел – через вагон? Он заперся, осмотрелся. Тощая сумка соседа висела на крючке. И снова он испытывал страх... Он приподнял обе полки, убедился, что внутри нет расчлененного трупа. Привстал на цыпочки, заглянул в багажное отделение. Удостоверился, что вагонное окно заперто изнутри. Паранойя, пан хороший, сущая паранойя... Анджей сел на полку, насупился. Поезд практически остановился, глухо скрипели тормоза. Он вскочил, раздвинул што-

ры. Ничего не видно, только собственный испуганный нос. Раковский прикрутил светильник на стене, и купе погрузилось в полумрак. Оптимистичнее картина не стала. Мглистый лунный свет озарял кусок пейзажа.

За насыпью смутно выделялся травянистый косогор. Еще дальше – разреженный перелесок. За ним, по-видимому, дорога. Цивилизация в эту местность пока не приходила. Анджей заскрипел зубами. Когда же изведут в родной стране эти «целинные» уголки?.. Поезд окончательно остановился – мягко так, вкрадчиво. Глухой отдаленный звук – словно раскрылась вагонная дверь. Шаги, скрипы, мороз по коже... Параноя в самом запущенном виде! Кто-то подходил к его купе, брался за ручку – а он уже оттягивал рычаги запора, поднимал окно. Благо что конструкция «классическая», не то что в этих современных поездах, где окно можно выставить только стальной болванкой... Дверь уже дергалась, снаружи вставили специальный ключ. А варшавский художник после удачного приземления уже съезжал по насыпи, тормозя пятками. К Дьяволу железнодорожные поездки! Рядом дорога, он придумает, как преодолеть оставшееся расстояние до Варшавы. А утром – в полицию и только в полицию!

Он скатился с насыпи, перебежал ложбину и бросился на косогор, еще мокрый от дождя. Препятствие покорилось тренированному телу. На косогоре он обернулся. Призрачная каракатица «Берлин – Варшава» все еще пребывала на старом месте. Что-то отделилось от вагона, свалилось с хру-

стом на насыпь. Прыгнул второй человек. И немного в стороне, через пару вагонов – еще скатились двое или трое. А также впереди, от дороги, местность озарили фары, рычал мотор сильного внедорожника! Все несчастья разом – потекла глина под ногами, поплыл склон – Анджей стал проваливаться в очередную ложбину, о существовании которой даже не подозревал! Такое ощущение, что ноги и руки менялись местами, а голова катилась отдельно. Лопнула лямка, сорвало сумку со спины.

Кто-то спрыгнул за ним вдогонку, ловко съехал на своих двоих – и он не оплошал: помог себе сдавленным рыком, бросился под ноги, повалил. Незнакомец ахнул от боли – голова не железная. Скатился второй, хрустнул взводимый курок. Но и это не проняло загнанного художника – от отчаяния он готов был горы свернуть! Бросился, пригнувшись, локтем ударил в бок, вывернул запястье. Сзади кто-то подбегал, луч света шарил по сгусткам темени. Осветилось лицо, искаженное от боли. Старый знакомый! Рвался в туалет, беспокоился, чем же там занят этот парень с сумкой? Перехватить пистолет он уже не успевал. Кинулся по ниточке ложбинки, но с фланга что-то грузно навалилось! Ударил тяжелый бюст, зазвучал грудной женский смех. Он катился по камням, не в силах скрыть изумление. Какая бойцовская девчонка! Пани Магда Саповска, так убедительно повествовавшая о швейцарских красотах! Не вышла, значит, в Познани, только место дислокации поменяла...

Он ударился затылком – не сильно, но голова поплыла, конечности потеряли чувствительность. Пленнику заломили руки. Мерцали фонари, но лица злодеев в их свете не читались, оставались белесыми пятнами. Хрустела крошка – со стороны дороги спускалась еще одна группа лиц.

– Мистер Ангерлинк, с грузом все в порядке, – глухо проинформировал кто-то, разрывая упаковку коньячной коробки. – Довез-таки... Это именно то, о боже...

– А этот парень не промах, босс, – сообщил другой, кряхтя от боли. – У человека развиты интуиция и чувство опасности, присмотритесь к нему. Еще и дерется больно...

Возникла пауза, слышалось одобрительное урчание. Над Анджеем склонилась монументальная скала. Рослый мужчина критически его разглядывал, потом опустился на колени и продолжал это делать. Из полумрака проявлялось лицо – пожилого человека, мясистое, с тяжелым носом, увенчанное седой шевелюрой. «Какой харизматичный и фактурный персонаж, – мелькнула мысль. – Сразу в морду даст?»

Господин удовлетворенно похмыкал, махнул куда-то в сторону.

– Все в порядке, Лео, отправляйте поезд. Он не должен выбиться из графика. Не волнуйтесь, пан Раковский, – вкрадчиво сообщил он голосом пресловутого собеседника в телефонной трубке. – Вам не навредят, вы справились с работой. Все договоренности остаются в силе – в том числе касательно денежного перевода. Вы молодец. Впечатлили. Не

особо виртуозно, но зрелищно.

– Ну, слава богу, все остались живы... – прокряхтел Анджей, пытаясь оторваться от земли. Но его держали – не сильно, однако настойчиво. Видимо, побаивались, что он ползет в драку. – А то я уж начал беспокоиться, господин Ангерлинк, или как вас там... Объясните, что это было?

Собеседник поморщился – видно, не любил, как звучит его фамилия. Он помешкал – вероятно, задумался, не прикончить ли этого дерзкого живописца. Но гуманизм (или что это было) возобладал.

– Все в порядке, пан Раковский, это не белая горячка. Вы везли... скажем так, ценный музейный экспонат. Спешу развеять ваши черные мысли – это не контрабанда и не что-то другое из мира криминала. Груз планировали забрать на вокзале, но передумали – решили это сделать на перегоне в местечке Глядно... во избежание нежелательных эксцессов в Варшаве. Добрые люди помогли остановить поезда, кхм...

– Видимо, ценный груз... – продолжал нарываться на неприятности Анджей, – раз вы сами за ним явились, господин Ангерлинк... Вы же не рядовой боец загадочного войска? Может, просветите, какую организацию имеете честь представлять?

– Тайную, – усмехнулся собеседник. – Зловещую и влиятельную, – и было непонятно, шутит он или говорит серьезно. – Увы, пан Раковский, если я открою вам сей секрет, мне придется вас либо убить, либо рекрутировать в ряды, как вы

выразились, войска. Вас устроит такой ответ? – Мы изживаем все, что, по нашему мнению, является богомерзким. И всячески продвигаем то, что, по нашему же мнению, является богоугодным. То, что вы почувствовали, перевозя груз... а вы непременно что-то почувствовали, верно? – относится именно к данной области, хотя это долго объяснять.

– Тогда вам не ко мне, – прошептал Анджей. – Вы нарвались не на боголюбивого человека...

– Но отчасти на богобоязненного, – тонко улыбнулся Ангерлинк. – Мы наводили справки о вас. Вашей фигурой кое-кто заинтересовался. Да, вы оказались в нужном месте в нужное время – стали идеальной находкой для стремительной пересылки груза. В Берлине произошла осечка, нам жаль, приносим извинения. Почему, спросите, именно вы? А чтобы никто не догадался, пан Раковский. Вы хороший художник, хотя и работаете только в реалистической манере. Вы неглупы, обладаете воображением, массой недостатков и достоинств. Среди последних – регулярные походы в спортзал и периодическое избиение боксерской груши. Однако не будем вас больше задерживать... – Ангерлинк поднялся, скрипя коленными суставами. – Поезд ушел без вас, увы. Но не все потеряно. Вас отвезут домой. Постарайтесь не докучать шоферу вопросами и не подглядывать через занавеску. С вами свяжутся... если не возражаете, – и пожилой господин, прежде чем исчезнуть во мраке, снова смерил художника пугающе пытливым взглядом.

Глава 1

17 июля, 6:30 утра.

Жара, дышать было нечем. Обжигающий ветер швырял в лицо раскаленный воздух. Он мчался по горячему песку из страны искрошенных ветрами пирамид, а за беглецом на громыхающей колеснице катился желтоглазый фараон и пафосно взывал:

– Вернись в мою страну, о, несчастный! Куда же ты? Всё готово к твоему погребению! Люди собрались! Нас ждет прекрасная ночь с маслами благовоний, погребальные пелены, сотканые богиней Таит, саркофаг из золота! Тебя положат в усыпальницу, свод небесный раскинется над тобой, и быки повлекут тебя в вечность! Разве это не прекрасно?

Нет уж, благодарим покорно, лучше потом...

– Раковский, я тебя люблю... – бормотала спящая Алька и обвивалась вокруг него – горячая, как раскаленный песок в пустыне.

«Я тебя – тоже нет», – мрачно думал Анджей, давая волю нахлынувшему чувству. Не самые благочестивые помыслы одолевают с утра. Она скребла коготками, ползала по его разомлевшему телу, наглядно демонстрируя, что поверхность для поцелуев может быть обширной.

Слишком раннее пробуждение – спасибо фараону. Он лежал, подперев шелковистое бедро, обливался потом, смот-

рел в окно. Пал туман, в распахнутую балконную дверь вливался свежий воздух. Просыпалась Бялоленка – северная дзельница¹ Варшавы. Шаркала метлой дворничиха, сбивая с ритма весь квартал. У автомобиля у крайнего подъезда громко выла сигнализация. Возмущался бродяга, которому не дали поспать.

– Брависсимо, – сказала Алька, приходя в себя. – Молодец, не растерялся. Ну, и кто мы после этого?

Она приподнялась и пристально посмотрела Анджею в глаза.

– Надеюсь, теперь с тобой все в порядке?

– Если ты сомневаешься насчет моего выхода из запоя...

Он не пил уже четыре дня. Но в квартире царил кавардак. «Демонстратор пластических поз» и режиссер по спецэффектам Варшавской студии телевидения Алиция Квятковская, которую он вчера, наконец, пустил в свой дом, чуть не плакала, бродя по этим «древнепомпейским» развалинам. «Бардалино, сущее бардалино...» – и с упорством, достойным лучшего применения, разгребала завалы. «Когда ты женишься, наконец? Посмотри на себя, несчастный! Одичаешь, поглупеешь – кто тебя возьмет? Даже я не возьму. И заметь, дорогой, я не настаиваю, чтобы ты женился именно на мне. Женись на ком угодно, надеюсь, это не повлияет на наши с тобой отношения?»

¹ Дзельница – территориально-административное подразделение в польской системе местных органов власти (*прим. редактора*).

Она сгрэбла на выброс бутылки, краски, мольберты, уложила его в кровать и стала пытаться о странных событиях, приключившихся в Берлине и после. Пришлось предъявить домашнюю заготовку, в которой не было никаких вздорных таинственных организаций, а была контрабанда неизвестных рисунков Микеланджело Буонарроти, полиция и родная польская мафия. Но контрабанду перевозил не он!

– Дырковатая какая-то версия, – недоверчиво хмыкнула Алька. – Признайся, ты ее выдумал минуту назад?

– А я вообще не люблю Микеланджело, – стал объяснять Анджей. – Во-первых, тяжело и помпезно. Во-вторых, он был эгоист, маргинал и ненавидел людей. Считал, что только его воля достойна уважения. Этого парня ненавидели все. Даже папа Лев X говорил про Микеланджело: «Он страшен. С ним нельзя иметь дело». В-третьих, он был грязнулей. Неделями не раздевался, не разувался, а когда с его опухших ног снимали сапоги, вместе с сапогами снимали кожу...

Алька сглотнула.

– Не уходи от ответа.

– А еще он страдал из-за собственного величия. Как-то Микеланджело копировал фрески Мазаччо во флорентийском храме и завел изящный спор об искусстве с неким юным скульптором Ториджани. История умалчивает, каких гадостей наговорил юнцу спесивый хам, но у Ториджани кончилось терпение, он треснул гения по носу и отбил носовой хрящ. Микеланджело без сознания унесли домой, и всю

жизнь он оставался безобразным уродцем с вдавленным носом.

– Не води меня за нос, – разозлилась Лика. – При чем здесь Микеланджело и нестыковки в твоём рассказе?

– Не знаю, – признался Анджей. – А тебе не интересно? А еще он был поэтом. Депрессивным и скорбящим. Писал приличные сонеты. «Надежды нет, и все объемлет мрак, и ложь царит, а правда прячет око...»

Той же ночью зазвонил телефон. Сердце рухнуло в пятки. С вами свяжутся... С вами свяжутся... Если вы, конечно, не возражаете...

– Пан Раковский, мы в курсе, что вы ждали нашего звонка, – сообщил незнакомый мужской голос. – Вам хотят предложить временную работу и очень надеются, что вы не откажетесь. Если вас не затруднит, подойдите завтра к Гайданскому парку – скажем, в два часа дня. Вам будут очень признательны. Спокойной ночи, пан Раковский. Очень рады, что вы уже четвертый день не пьете.

Анджей тупо слушал, как в трубке звучат короткие гудки. Сердце выводило барабанную дробь. О том, что он не пьет четыре дня, знал только он. Даже Алька не догадывалась...

Он притворился спящим, но вряд ли обманул этим Алицию.

– Не знаю, как насчет запоя, – заявила она, хлопнув утром по будильнику. – Думаю, ты справишься. А не справишься, запомни мудрую флотскую поговорку: если хочешь жить в

уюте, водку пей в чужой каюте. Я имею в виду ночной звонок. Он тебе не понравился.

– Никому не нравятся ночные звонки, – отбился Анджей. – Не волнуйся, ничего фатального. Звонили не кредиторы.

– Но ты задумчивый и весь в себе...

– Я много дней задумчивый, – он вяло улыбнулся. – Во сне, в состоянии сильного алкогольного опьянения... Рад бы вернуться, да не могу. Любой отвлеченный образ встает на голову. «Кораблик в буре» вон за тем холстом, – он кивнул на проем в студию, где стояла новая картина, – ума не приложу, откуда он родился. Рука сама рисует...

– Не могу припомнить, что мне это напоминает, – Алька потерлась пяткой о его лодыжку. – Вспомнила. Шестое чувство. Интуиция – способность постигать истину без помощи доказательств. Тайны подсознания, внезапные озарения, все такое прочее. Английский инженер Самюэль Браун задумался над строением паутины и изобрел конструкцию подвесного моста. Нильсу Бору приснилась модель атома, Карлу Гауссу – закон индукции. Менделееву, Ньютону и Архимеду...

– Двум последним ничего не снилось, – перебил Анджей. – Архимед в ванне поскользнулся, Ньютон сел не на ту кочку. И вообще, закон Ньютона гласит, что яблоко от яблони недалеко падает. Ты такая умная, Алиция.

– Память хорошая, – засмеялась девушка. Она с сожалением сползла с кровати, запустила руку в спутанные кудри

и принялась чесаться. – Понедельник, семь утра, отпуск не светит... На работу пора, дорогой, – покачивая бедрами, она поплыла в ванную. Но вскоре вернулась, встала в соблазнительную позу, демонстрируя все, что скрыто. – Надеюсь, в ближайшие дни ты не собираешься на рынок?

– Рынок? – оторопел Анджей.

– Интимных услуг, – Алька задрала нос и удалилась. Потом бродила по квартире неприступной королевой, совмещала чаепитие с одеванием, бормотала, что самый трудный год, как всегда, текущий, работа держится только на ней, пора найти богатого жениха и все бросить. Выйти замуж и потерпеть, увидеть Лондон и прослезиться, попасть в Париж и умереть...

Убаюканный монотонным гулом, Анджей впадал в оцепенение, пропустив прощальный поцелуй. Краски буйствовали перед глазами. Лязгающий карнавал. Вереница масок – гневных, шутовских, взволнованных. «Въезд Христа в Брюссель на Масленицу 1889 года» небезызвестного Джеймса Энсора. Христос среди хоругвей во главе ликующего маскарада, фараон в песках на колеснице... Он очнулся от лязга двери, спрыгнул с кровати. Проснулся страх. Недаром упомянута интуиция. Кольцо у горла медленно сжималось. Но куда бежать из родного дома? Тут он живет, творит. Картину вон рисует... Анджей подошел к мольберту, который Алька задвинула в угол, снял простыню.

Картина практически готова, остались штрихи. Зачем он

это рисовал? Кто водил слабеющей от возлияний рукой? Он всматривался в собственное творение и чувствовал, как волосы шевелятся на затылке. «Ноктюрн. Корабль, терпящий бедствие»... Картина выходила сама по себе, без усилий, словно кто-то водил его рукой... Охваченное грозным штормом море, беззащитный парусник на гребне волны, летящий на черную, окутанную дымкой скалу. Мощный ливень, застилающий небо, ураганный ветер рвет в клочья остатки парусов. Фок-мачта плавает в воде. По палубе носятся люди, матрос вылетает из «вороньего гнезда». Скалистый остров на дальнем плане, он, кажется, парит в воздухе... Решительно. Резко. Он помнил, как разбрызгивал, выдавливал краски на холст, будто абстрактный экспрессионист, а потом упоенно работал с мазками и пятнами – вдумчиво, медленно, тягуче растирая по холсту, пока из хаоса мазни не стало выявляться СОБЫТИЕ...

9 июля, больше недели назад, позвонили из банка «Миллениум», где имелся практически обнуленный счет, и с уважением поведали, что на этот самый счет поступили тридцать тысяч евро. Отправитель неизвестен. Заинтересует ли пана Раковского данная информация? Информация не могла не заинтересовать...

Он лихорадочно оделся. Не пить четыре дня – пора и честь знать. Половина восьмого – до встречи в Гайданском парке шесть с половиной часов. Он пойдет на встречу. Но как прожить эти долгие часы, чтобы не было страшно?

Анджей побрился, оделся, покопался в коробке с грязным бельем, отыскивая старые джинсы, где лежали скрученные купюры. Организация Альбрехта Ангерлинка, активно изживающая всё, что не является богоугодным (если не совра), не выходила из головы. На улице было пустынно. Он зажал в кулаке банкноту, перебежал дорогу. Магазин на улице Войжека был закрыт. Пришлось тащиться полквартила к другому заведению. Район Стародворы, где жил Анджей, был не самой фешенебельной частью Бялоленки. Унылый, с однообразными панельными коробками – их возводили в начале пятидесятых, когда половина Варшавы еще лежала в руинах. За полвека в Стародворах ничего не изменилось. Публика здесь обитала не самая обеспеченная, было много безработных. Потребление алкоголя считалось нормой. Раковский пристроился в конец короткой очереди, настороженно осмотрелся. Магазин был тоже – не для самых привередливых посетителей. «Голдвассер», «Альпейску» и знаменитый польский «Чёпин» в подобных заведениях не продавали. Публика – сплошные «джентльмены». Дешевая «оковита» разлеталась, как стая голубей. Посетители неандертальского вида угрюмо пересчитывали центы, вполголоса что-то обсуждали (очевидно, жития святых и великомучеников). За Анджем пристроился невысокий мужчина с пустым пакетом – рожица хитрая, оттопыренные уши.

– Вам, пан? – учтиво глянул продавец.

– Что-то доброе, – буркнул Анджей.

– Насколько доброе?

– Не зли меня, Збышек, – разозлился Раковский. – Говори, что есть.

– Знаю, – осенило продавца. – Только для вас, пан Анджей, – он жестом фокусника извлек из-под прилавка витую емкость. – Шотландское виски «Dewars». Девятнадцать евро. Двенадцать лет выдержки. Двенадцать лет! – возвысил голос продавец. – Вот это выдержка!

– Не бери, пан, за углом разливали, – поднял голову неандерталец.

– Знаю, – отмахнулся Анджей. – Элитный «Dewars» за девятнадцать евро... все равно давай, – он бросил на прилавок купюру.

– А мне зубровку, маленькую... – уже тянул мятую банкноту коротышка.

В бутылке действительно плескалось виски – примитивное, но не суррогат. Раковский сидел на кухне, тянул глоток за глотком, пытаясь заглушить страх. Поговорить не с кем. Алька на работе, к другу Павлу Айзику лучше не подступаться – рабочий день в разгаре, он очень занятой частный детектив. Может, жениться? Позвонить Алиции, сделать предложение. Посмотреть, как она облезет от удивления. Свить уютное гнездышко, сделать женщину, наконец, счастливой...

Глупые мысли не отвлекали. Будущее неумолимо приближалось – со скоростью шестьдесят минут в час. Зазвонил те-

лефон.

Анджей мрачно посмотрел. Потом все же взял трубку и ответил.

– Пан Раковский? – как ни в чем не бывало осведомился мужчина.

– Весь внимание.

– Моя фамилия вам ни о чем не скажет. С вами хотят встретиться – по важному и неотложному делу. Скажем, в пять часов дня. За вами заедут. Только не делайте, пожалуйста, глупостей, – в голосе собеседника проскользнули веселые нотки. – Вам сделают небольшое, но интересное предложение.

– От которого я не смогу отказаться, – пробормотал Анджей.

– Сможете, пан Раковский. Но предложение действительно интересное. Проще согласиться, чем отказаться.

Абонент повесил трубку. Кожа покрывалась потом. Это не люди Ангерлинка. Те звонили вчера ночью и назначили встречу на два часа в Гайданском парке. Голос другой. А кто тогда? Он трезвел от страха. Алкоголь не спасал. Не следят ли за ним?

Анджей раздвинул шторы. В округе масса окон, но как проникнуть в пенаты живописца? Тюль имеет плотный рисунок. Он вздрогнул. Во дворе объявилась знакомая личность. Коротышка, стоявший за ним в очереди! Успел преобразиться: сменил несвежую майку на свежую рубашку, причесался,

побрился. Он вывернул из-за угла, сжимая свернутую «Жеч-посполита». Потащился к детскому городку, где уселся на лавочку и погрузился в изучение прессы. Трезвый, как стекло. Прочел последнюю страницу, пару раз ухмыльнулся. Поднялся, сунул прессу в урну, потащился вдоль дома.

Анджей поставил недопитое виски в холодильник, побегал под душ. Потом давился черным кофе, изгоняя алкоголь из организма. Идея не нова: конструкция радиотелефона позволяла запоминать входящие звонки. Не верилось, что абоненты согласны засветиться, но попытка не пытка. Увы, номер человека, предложившего «файв-о-клок», определению не поддавался. Звонить могли с мобильного, из другого государства, из космоса. А вот предыдущий номер, как ни странно, высветился. Чудеса. Так и есть, два часа ночи, сутки – текущие. Обычный городской номер – звонили из respectable Средместья. Намекают, что можно с ними связаться? Ловушка? Помедлив, он набрал номер.

– Кто это? – спросил запыхавшийся женский голос. Минутой ранее его обладательница, как видно, вынимала гуся из духовки.

– Здравствуйте, – сказал Анджей.

– Здравствуйте, – ответила женщина. – Кто это?

– Раковский.

– Раковский?.. – женщина задумалась.

– Пани, сегодня ночью с вашего номера звонили в мою квартиру. Допускаю, вы не в курсе. Но знать, кто ночью был

вблизи вашего телефонного аппарата, вы обязаны. Передайте, пожалуйста, абоненту: у Раковского проблемы.

Он повесил трубку. На шестнадцатой минуте перезвонили. Голос мужчины был раздраженным.

– Пан Анджей? В чем проблема?

– Убедите меня, что вы именно те, о ком я думаю, – проворчал Раковский.

Человек на минутку задумался.

– Вам привет от сэра Альбрехта...

– Неужели? – фыркнул Анджей. Он в трех словах описал содержание телефонного разговора. Не забыл и про коротышку с газетой.

– Хорошо, за вами заедут. Ждите.

Он опять метался по квартире, пытаясь понять, чего от него хотят. Он вывез из Берлина некий предмет, буквально сочащийся негативной энергией. Попал в историю в Берлине – и попутно на крючок к некоему господину Альбрехту Ангерлинку. Тридцать тысяч он отработал. Теперь придется отрабатывать свою жизнь, которую ему оставили... Накануне четырехдневного запоя, тщательно проверившись на предмет слежки, он встретился в сквере с Павлом Айзиком – хитроумным частным сыщиком, владельцем небольшого детективного бюро «Арчи Гудвин». Айзик, бывший одноклассник, считался другом. Он, собственно, и был единственным другом – невзирая на хитрость, эгоизм и меркантильный интерес ко всему на свете.

Выслушав рассказ, Павел схватился за голову: «И это все ТЫ? Невероятно. Только без меня». Впрочем, через минуту он передумал. Над недостатками Павла Айзика властвовала бескрайняя любознательность, она же любопытство. «И что ты хочешь от меня?» – осторожно осведомился друг. «Не знаю, кому пристроить тысячу евро, – признался Анджей. – У тебя нет никого на примете?» Павел копал четыре дня – ровно столько, сколько продолжался запой. У этого парня имелись полезные связи по всей Европе. Фамилия Ангерлинк – ненастоящая. Некто Ян Ван Гедерс, бизнесмен-тяжеловес, глава судостроительной компании, попечитель, меценат, филантроп, влиятельная в Европе личность. Организация, в которой верховодит Ван Гедерс, проводит (на этом месте Павел понизил голос и приложил палец к губам) не вполне законные мероприятия по пресечению деятельности «богопротивных» сил. Устраняются чиновники, политические деятели, сотрудничающие с дьяволопоклонниками, уничтожаются секты мракобесов, рассыпаются тиражи неугодных книг, фильтруются предметы старины глубокой, способные, с точки зрения конспирологов, пошатнуть хрупкое равновесие цивилизованного мира. И лучше не спрашивать, откуда Павел всё это добыл. Будем считать, что человек, предоставивший информацию, уже умер...

В дверь позвонили ровно в полдень, когда он превратился в искрящийся электрический провод. Он шел к двери, словно бегемот по дну водоема – медленно и с чувством собствен-

ного достоинства.

– Открывайте, – потребовали с той стороны. – Свои.

«Свои не будут мотать нервы», – уныло подумал Анджей.

– Убедите, – он припал к двери.

– Вам привет от сэра Альбрехта...

Эту фразу могли и подслушать. Раковский мысленно перекрестился и впустил в квартиру «буревестника» – импозантного господина с челом еврейского мыслителя и мышечной массой боксера Томаша Адамека, уложившего одной правой Томаса Ульриха – дважды претендента на титул чемпиона мира.

– Вы еще не готовы? – возмутился посланец. – А катафалк, между прочим, у подъезда.

Черный, как сажа, «Гелендваген» нудно объезжал западные предместья Варшавы. Оттянув украдкой шторку, Анджей обнаружил, что справа по борту остались строения аэропорта имени Фредерика Шопена. Машина повернула влево, втянулась на улицу Зелинского. Юго-западная дзельница Урсус, отметил Анджей, окраинный район двухмиллионного города. Снова кусочек природы, проселочная дорога через лес. Обогнув аэропорт, внедорожник въехал в дубраву, где дорожки были вымощены желтой плиткой, а антураж лесопарковой зоны производил впечатление вымытого с шампунем. Обширные владения на краю коттеджного поселка, чугунная ограда, «испанский» дворик, двухэтажный

особняк из белого камня и пятнистого мрамора. Очень просто и «демократично». Отсутствие лишней охраны, поэтапных проверок: сопровождающий вышел из машины, распахнул ворота, и джип решительно въехал на газон...

Никаких «рококо», «хайтека». Гостиная из кожи и лакированного дуба, зеркальный бар, спаренные кресла «Чиппендейл», комод от фирмы «Шератон». Картина русского живописца Серова «Девочка с персиками» (по четыре евро за килограмм) – довольно бледная имитация. А вот портрет Чечилии Галлерани Леонардо да Винчи («Дамы с горностаем», коей страшно гордится Краковский музей) скопировали тщательно. Имитатору удалась не только затаенная меланхолия в глазах девушки, но и знаменитая дымчатая светотень Леонардо – «сфумато», нежный полусвет с мягкой гаммой молочно-серебристых, голубоватых, иногда с зеленоватыми переливами тонов, в которых линия света становится воздушной, а очертания предметов пропадают.

Борцы с мракобесием имели respectable вид, хорошее воспитание и соблюдали светские приличия.

– Присаживайтесь, пан Раковский, – предложил осанистый молодой человек с внешностью референта при большом боссе.

Кресло напоминало западню. Чудовищно комфортную и расслабляющую.

– Желаете ли кофе? – вкрадчиво осведомился молодой человек.

– Спасибо, – кивнул Анджей. – Эспрессо, двойной. Без сахара.

По губам молодого человека скользнула понимающая усмешка. Он сделал знак статисту за кадром. Присел на стул с изогнутыми ножками и с интересом воззрился на гостя. «Референту» было не больше тридцати. Он носил очки в золотой оправе, костюм от кутюрье и тонкую водолазку, дающую понять, что встреча, слава богу, не официальная.

– Позвольте представить, – молодой человек учтиво повернулся к сидящей напротив даме, – Пани Ядвига Шиманская. Прошу любить и жаловать.

Строгая женщина с прекрасно сохранившейся фигурой, одетая в сиреневую брючную пару, сдержанно кивнула.

– Добрый день, Анджей. Надеюсь, вас не сильно побеспокоили?

Он склонил голову, давая понять, что по достоинству оценил шутку. У женщины был цепкий взгляд. Ей очень шли скромные бриллиантовые сережки в форме переплетенных змеек.

– Вы не местная, пани Ядвига?

– Я приезжая. Скажем так, иногородняя. Представляю вам своего коллегу: Мариуш Корвич. Он тоже приезжий.

Молодой человек чуть поклонился.

– То есть выбора у меня нет? – на всякий случай спросил Анджей. – От судьбы не убежишь...

– От судьбы не убежишь, – подтвердила, тонко улыбнув-

шись, дама.

– Отдельным удается, – смягчил драматизм Корвич.

– Значит, не судьба, – пожала плечами Шиманская. – Кстати, ваш кофе, Анджей.

– И старый знакомый. Не возражаете, если поработаю вашим официантом? – произнес над ухом знакомый густой голос, и на журнальный столик опустилась чашечка с блюдечком. От напитка исходил аромат добросовестно прожаренной робусты. Грузный мужчина соорудил располагающую улыбку, уселся на диван и забросил ногу за ногу.

– Здравствуйте, пан Замойский, – деликатно поздоровался Анджей. – Как живется?

– Вашими молитвами, – откликнулся Кажимеж Замойский – директор турагентства «Раффлезия», пропавший из купе в самый интригующий момент. – Не ожидали, что вы начнете копать под ваших покорных слуг. Зачем вы подключили детективное бюро «Арчи Гудвин», Павла Айзика, его незаменимых работников – Франчишека Рыбаса и Изабеллу Виннер? Нехорошо, Анджей. Впрочем, понимаю ваши чувства. На вашем месте я поступил бы, наверное, так же...

– Считаем недоразумение разрешенным?

– Безусловно, – широко улыбнулся Замойский. – Никто не пострадает. При условии, что не будет рецидива. Итак, Анджей, мы хотим поручить вам интересное дельце. Не волнуйтесь, качества Джеймса Бонда не понадобятся. А вот коммуникабельность, умение находить правильные решения...

Можно хорошо заработать. Согласитесь, у денег имеется отвратительное свойство – уходить по-английски. Поэтому речь идет не о деньгах, а о больших деньгах. Итак, – Замойский вопросительно посмотрел на приезжих. – С чего начнем, господа?

– С исторической справки, – сказала Шиманская. – То есть с самого начала. Просим вас, пан Корвич, освежить нашу память.

– Начало пятнадцатого века, – хорошо поставленным голосом начал «референт». – Китайская империя еще не начала свою многовековую политику самоизоляции, считается могущественной морской державой с богатыми внешнеполитическими связями и активно открывает новые земли. Флот знаменитого адмирала Чжэн Хэ – по рождению, кстати, правоверного мусульманина – бороздит моря и океаны. Громадная эскадра, многотысячное войско, триста кораблей, увешанные вооружением и звуковой сигнализацией – не какие-нибудь «малолитражки», на которых будет плавать Колумб. Блестящее навигационное оборудование, сбалансированное управление, водонепроницаемые отсеки – о которых в Европе узнают только через триста лет... Открыты Вьетнам, Индия, Мальдивские острова, Сомали, Кения. Взят курс на Мозамбик. Отдельные эскадры флотоводца добираются до Южной Африки. Некоторые ученые полагают, что Чжэн Хэ совершил кругосветное плавание, открыл Антарктиду, Новую Зеландию, а также обе Америки – за много лет

до триумфального плавания Колумба! Но последнее утверждение спорное, а вот то, что высший дворцовый евнух императора династии Минь ходил к Восточной Африке, – факт доподлинно известный. В июле 1412 года флот делится на несколько частей. Чжэн Хэ доходит до Ормуза в Персидском заливе, плывет по Красному морю и сухопутным путем совершает поклонение мусульманским святыням в Мекке. Эскадра его верного генерала Ли Мао – четыре «баочуань», огромных девятимачтовых корабля под алыми парусами – проходит по экватору, пристает к берегу (ныне это Южное Сомали, город Джамаме). Совершается экспедиция в глубь материка. Речь идет о десанте в несколько тысяч человек – внушительная по тем временам армия. О столкновениях с туземцами информации нет. Возможно, на данном этапе все протекает мирно, отряд везет большой груз – фарфор, ткани, чем и обеспечивает хрупкий мир с местным населением. Происходит контакт с племенем умбара, проживающим глубоко в джунглях (ныне такого племени не существует). Общение с вождем, рядовыми туземцами, знакомство с обычаями. По возвращении на корабль генерал Ли Мао становится обладателем шести ценных культовых предметов, составляющих единую композицию. Каким образом они ему достаются, история умалчивает. Но факт обладания прилежно отражен штабным летописцем. Также упомянуто, что данным грузом генерал весьма дорожил – были казнены несколько солдат, небрежно отнесшихся к правилам транспортировки.

Очевидно, шесть божков добыты не совсем праведным путем. Можно допустить, что генерал разграбил африканское святилище, не устояв перед соблазном. На обратном пути отряд неоднократно подвергался атакам. В нескольких милях от берега поредевшая рать попала в засаду и погибла почти полностью под градом отравленных копий. Выжили несколько дюжин, в том числе генерал Ли Мао. Отбить свои святыни дикарям не удалось. Груз доставили на корабль, эскадру подхватили муссоны... Известно, что какое-то время культовыми предметами обладал генерал, потом композиция попала к императору, потом еще к кому-то, потом коллекция была раздроблена, чего делать нельзя ни в коем случае...

Корвич перевел дыхание.

– Повторяю, катастрофа. Дробить коллекцию нельзя ни в коем случае. Как вы относитесь к трансцендентным явлениям, пан Раковский? К тому, что находится за границами сознания и познания?

– Плохо, – вздрогнул Анджей. Слишком уж назойливо застучали в мозгу африканские барабаны, затрещали священные трещотки, забубнил шаман. Вспомнилась сумка, жгущая бок.

– У нашего героя имеется небольшой опыт, – заметил Замойский, – как относиться к предметам, наделенным деструктивной энергией. Надеюсь, он уже не сомневается в их существовании?

– Но слабо верится, что существуют предметы, наделен-

ные созидательной энергией, – пробормотал Анджей.

– Позвольте не согласиться, – блеснула глазами Шиманская. – К тому и подводится разговор. Отнеситесь серьезно к нашим словам, Анджей. Коллекция вымершего племени умбара, состоящая из шести замысловатых статуэток, – штука посильнее Грааля. Не говоря уж о «Фаусте» Гете.

Глава 2

Несколько минут в гостиной царило молчание. «Саспенс» – подвешенное состояние», – вспомнил Анджей.

– Ох уж эти боги тропической Африки... – пробормотал Замойский, меняя ногу.

– Держите, – протянул Корвич тонкий альбом для фотографий. – Пролистайте, пожалуйста.

Раковский неторопливо пролистал. Древние, как Рим, дагеротипы – родоначальники фото – в то время еще только открывали способность йодистого серебра изменяться под действием света. Но качество нормальное. Не секрет, что во многих районах Африки к началу XXI века продолжают господствовать традиционные религии. Устрашающая символика: ритуальные маски, изваяния, пляски колдунов в причудливых одеяниях, обряды жертвоприношения. Тотемизм запущенной формы. Божественные змеи, пауки, лягушки. Боги-творцы, боги-гиганты, боги всех природных стихий. Представленные снимки – из той же области. Страшноватые – наполовину статуэтки, наполовину маски. Жутковатый божок с лоснящейся черной головой и одним глазом – назидательно задирает в небо перст. Второй, трехрукий, кривляется с зажмуренными глазами, третий – надутый истукан с многоэтажной короной на макушке (не женщина ли?). Четвертый что-то вопиет, выпучив глаза и потрясая локтевыми

суставами. Пятый взлохмачен, ершист, утыкан занозами, колючками, исполняет ритуальный танец. Шестой – страшный, как первородный грех, стоит на круглой пяте, рот оскален, держит в ладонях глубокую чашу...

– Филигранно, согласитесь, – заметила Шиманская. – Гармоничная композиция. Кость, металл, все пропитано специальными растворами, отчего фигуры практически неразрушаемы.

Композиция определенно гармоничная – имелось что-то неуловимо общее в этих шести ребятах. А еще чувствовалось, какой гиблой энергетикой пропитаны предметы культа. Пальцы, держащие альбом, слегка подрагивали, онемение расплзалось по подушечкам. Странно, это всего лишь изображения...

Наблюдательная Шиманская удовлетворенно кивнула.

– Шесть богов-покровителей, защищающих от болезней, несчастий, приносящих удачу. Племенной фетиш, обеспечивающий контакт между земным и священным мирами. Вы знаете, что такое фетишизм? Почитание предметов, наделенных сверхъестественной силой.

– Жрец, Мудрец, Колдун, Оракул, Предок, Обезьяна... – забубнил Корвич. – Под этими именами в данный момент известны предметы коллекции. Никому не ведомо, как их зовут в действительности и что они выражают. У африканцев масса божеств – верховных и вторичных, вспомогательных духов, обожевленных прародителей – всех не упомнишь.

На данном вопросе китайский писарь, к сожалению, внимания не заострял. Но заострил на том, что ни в коем случае нельзя разлучать шестерых шустрых ребят. Штука чудовищно сильная. Полагаю, у царька, который владел этим сокровищем, дела шли в гору, племя процветало. Когда идолы вместе, вокруг царят гармония и лад. Счастье, процветание, благоденствие. Неразрывная связь настоящего, прошлого и будущего...

– Бессмертие, – с иронией сказал Анджей.

– Напрасно смеетесь, Анджей, – махнул рукой Корвич. – Летописцы не соврут. Данные получали из разных, независимых друг от друга источников. Уж поверьте на слово. Коллекцией умбара пользовались генералы, чиновники, императоры... Собранные вместе статуэтки несут мощный положительный заряд. Но ребята обидчивые. Если их разлучить, они начинают безудержно сеять зло.

– Поведение фетишей непредсказуемо. Это существа, наделенные душой, это личности, – сказала Шиманская. – Им воздают почести, в них вливают новую силу путем приношения даров и жертв. Но вот уже много столетий – ни жертв, ни почестей. Им досадно. Приходится забирать самим...

– Вот и получается, – перебил Замойский, – что много лет статуэтки умбара только тем и занимаются, что приносят людям несчастья. Ждут воссоединения. А глупое человечество не понимает. Кабы горстка исследователей не изучила редчайшие манускрипты, не сделала ошеломляющего выво-

да...

– Несколько лет назад были обнаружены следы «могучей кучки», – вновь вступила в разговор Шиманская. – Предок и Обезьяна несколько лет назад были выставлены в небольшом каирском музее. Обезьяна – это трехрукое существо, которое кривляется и жмурит глазки. Предок – страшненький божок, простирающий чашу. Источник, предоставивший в музей статуэтки, остается неизвестным. О его злоключениях данных нет. Зато доподлинно известно: в музее дважды случался крупный пожар, обрушился потолок в демонстрационном зале, погибли два директора, лопались витрины, невесть откуда взявшиеся змеи жалили посетителей... Сейчас статуэтки сменили место обитания, но из Каира их не вывозили. Точное место вам сообщат...

– Далее, – перехватил эстафету Корвич. – Следы Жреца – а это напыщенный идол с башней на голове – неоднократно терялись и находились в Африке. Потом его прибрал к рукам царек небольшого государства, расположенного в окрестностях озера Виктория. Провел экспертизу статуэтки Жреца, умилился стародавности изделия и всем повелел на него молиться. В государстве случились голод, мор, смута, переворот и колесование царька. Один из приближенных монарха бежал со Жрецом в Европу. Два года реликвия бродила по рукам, пока неприкаянный идол не оказался в частном владении бывшего российского подданного, а ныне гражданина Соединенного Королевства Григория Ройзмана. Коллекцио-

нер предметов искусства. Собственный замок в Шотландии недалеко от Абердина. Фигура неприятная.

– Знает польский язык, – добавила Шиманская. – Мать Ройзмана – польская еврейка.

– И Жрец не доставляет этому типу хлопот? – недоверчиво спросил Анджей.

– Как знать, – пожал плечами Корвич.

Замойский засмеялся.

– Эти двое просто нашли друг друга. Господин Ройзман – характерный злодей из комикса. Работал рэкетиром на одном из московских рынков. Сколотил банду, которая опутала своими «чарами» кафе и бензоколонки русской столицы. На счету банды несколько десятков невинно загубленных душ. На счету лично Ройзмана – не меньше десятка. Почему его не убили – загадка столетия. Но игра в войну быстро надоела, Ройзман сделался респектабельным коммерсантом. АО, коммерческий банк, холдинг. Оружие, наркотики, финансовые «прачечные» – не без этого. Коллекция баллистических ракет... Это шутка. Связи по всему миру. Сейчас этот достойнейший господин, который, к слову, ни дня не провел в тюрьме, отошел от дел и большую часть времени проводит в своем «родовом» имении. Каковы его взаимоотношения с реликтом умбара, неизвестно. Но статуэтка у него.

Откашлялась Шиманская.

– Мудрец – это лысый одноглазый тип с назидательным

перстом – тоже покочевал по миру. И всюду приличные люди гнали его взащей. Осло, Филиппины, Кампучия...

– Камбоджа, – машинально поправил Анджей.

– Кампучия, – повторила Шиманская. – Существует версия, что после разграбления дворца Сианука красными кхмерами статуэтка попала к Пол Поту и чем-то его пленила.

– Подождите, – оторопел Анджей. – Вы же не думаете...

– Лучше не думать, правильно, – кивнула Шиманская, – а пользоваться проверенными данными. Два «мудреца» в одной берлоге – многовато. Особенно когда один из них постигает у другого многовековую «мудрость». Не секрет, сколько миллионов людей забили мотыгами подручные Пол Пота. Мог ли план такого милейшего социального переустройства самостоятельно родиться в голове человека, получившего хорошее образование во французском университете?

– Не знаю, – растерялся Анджей. – Но если вспомнить Гитлера, Сталина, Чингисхана...

– Не надо вспоминать этих господ, – резко бросил Корвич. – Историки когда-нибудь разберутся, какая муха их укусила.

– Да, наша песня не о них, – сказала Шиманская. – Имеется предположение, что Мудрец покинул Кампучию после изгнания Пол Пота – в чемодане ответственного работника японской гуманитарной миссии. Человек увлекался мистическими вещами и искусством Черного континента. И снова статуэтка меняет хозяев, доставляя им разного рода

неприятности. У последнего японского коллекционера погибла в автокатастрофе многодетная семья, сгорел дом, лопнула фирма. Как порядочный человек, он был обязан сделать себе харакири. Далее статуэтка попадает в Россию, но долго там не застревает, перелетает Атлантику и оказывается в мексиканском городке с названием Пьедрас-Неграс. Местный криминальный босс дарит статуэтку своему закланному партнеру – в качестве знака примирения, и на бурной вечеринке обе банды гибнут заодно с руководящим составом – на радость полиции и местной благочестивой паствы. В данный момент Мудрец продолжает обживать Мексику – на ранчо известного производителя телевизионного «мыла» Луиса Морталеса. Городок Аризава, окрестности Монтеррея. От Мехико восемьсот километров на поезде...

– Колдун долгое время находился в Индии, – сказал Корвич. – Дворец раджи, некрасивая история с «тиграми Тамиль Илама», тоталитарная секта, где этот бедолага выступал в качестве фетиша на ритуальных обрядах. Китай, Тайвань, Гонконг. В декабре 2004-го статуэтку приобрел частный музей в Антананариву. Тщательно упаковали и отправили в багаже из Джакарты через Индийский океан на Маскаренские острова, где груз должны были перехватить представители музея.

Корвич многозначительно замолчал.

– И что? – спросил Анджей. – Не долетел?

– Долетел, – улыбнулся «референт», – но условия перевоз-

ки негодяйчику чем-то не понравились. Треснуло океаническое дно, и под крылом самолета образовалось разрушительное «рождественское» цунами – помните такое? – огромная волна атаковала Индию, Таиланд, Индонезию, смыла города, утопила несколько архипелагов. Двести пятьдесят тысяч погибших – по официальным данным.

– Вздор, – пробормотал Анджей, чувствуя, как в желудке рождается колючий еж. – Перегибаете, уважаемый. Обычное совпадение.

– Скорее, необычное, – усмехнулся Замойский. – Но спорить мы не будем. Колдун – а это лохматое, сотканное как бы из лоскутков существо – благополучно добрался до Мадагаскара и поселился в частном музее. Но и там этому привереде не понравилось – через неделю в музее замкнуло проводку, случился пожар, совпавший, как ни странно, с ограблением. Погибли трое сотрудников, статуэтка пропала. Какое-то время она бродила по черному рынку, потом попала к некоему «евроафриканцу» по имени Теренс Хилл, у которого собственный архипелаг в окрестностях Мадагаскара. Парень чудаковатый, денег – куры не клюют. Достоверных данных о вспыльчивом поведении Колдуна в пенатах миллионера пока не поступало...

– Вы говорите об этих болванчиках как о живых существах.

– Хорошо, что вы это заметили, – кивнул Замойский. – Как вы думаете, неспроста ли это?

Воцарилось странное молчание. «Чего-то не хватает», – подумал Анджей. Шевельнулись волосы на затылке.

– Давайте уж до конца, – он вздохнул. – Остается последний участник карнавала. Оракул. Дурачок, который заламывает руки и что-то вопиет.

Корвич с Шиманской переглянулись. Замойский поморщился.

– Не надо, пан Раковский, все навешивать ярлыки. Тем более, когда это касается... присутствующих. А также вашего верного спутника...

Волосы на затылке уже не просто шевелились – вставали дыбом. Так вот какую мину привез он из Берлина... Анджей растерянно обозрел присутствующих.

– Гкхм, – сказал Корвич, снял очки и начал яростно протирать стекла носовым платком. – А теперь, как говорится, о темном и грустном...

– Пойдемте, господа, – скорбно поджала губки Шиманская и поднялась со стула. – Спустимся в подвал, продемонстрируем нашему гостю его приятеля...

Раковский задыхался от страха. Дрожали поджилки, онемение расплзлось по конечностям. С каждым шагом он все глубже погружался во что-то липкое, отнюдь не связанное с избавлением мира от нечисти. Его использовали в неблагоприятных целях. Им плевать, чем это дело кончится для него... Спуск в бездонный колодец, тусклые лампочки, освещаю-

щие облицовку из вагонки. Тридцать четыре ступени, два поворота. Протяженная анфилада со сквозняком. Отличный путь для ухода от штурмующего особняк спецподразделения полиции... Человек, имеющий высокий лоб и развитую мускулатуру (то есть несочитаемое), открывает сейф, направляет луч от фонаря на уродливую статуэтку...

Он не отличается от карлика на дагеротипе. Высота – сантиметров тридцать. Начищенная до блеска кость. О пропорциях человеческого тела автор творения не подозревал. Но это и не человек. У божка неестественно крупная, приплюснутая голова, близко посаженные глаза на «крокодиловых» буграх, разверзнутая пасть занимает половину черепа. Ручонки тонкие, корявые, выгнуты в локтях, ноги сведены – такое ощущение, будто ниже коленей у божка всего одна нога...

Душно. Невыносимо душно в подвале. Минуту назад здесь гуляли сквозняки...

– Достаточно, Лукаш, запирай, – как-то натужно вымолвил Замойский.

Работник «компании» замкнул створку сейфа, вопросительно глянул на Замойского, отдал ему ключ. Словно окно распахнули: свежий воздух ворвался в замкнутое помещение, люди задвигались, заговорили.

– Этого господина придется перевозить вместе с сейфом, – то ли пошутил, то ли сказал серьезно Корвич. Он был бледен, двигал желваками, но справился с собой, ото-

рвал глаза от сейфа. Шиманская пристально разглядывала скромный бриллиантовый перстень, украшающий холеный пальчик. Женщину терзала тревога.

– Возвращаемся в переговорный процесс? – хриловато предложил Замойский. – Признайтесь, Анджей, вы больше не думаете, что над вами потешаются?

– Не знаю... – как-то по-детски признался Раковский. – Но сердце подсказывает, господа, что вы решили учинить мне крупную неприятность.

– Вам щедро заплатят, – сказал Корвич.

– Перестаньте, – Анджей поморщился. – Жажда наживы и жажда наживки – разные вещи. – Вы не боитесь его здесь держать?

– Догадайтесь, – криво ухмыльнулся Замойский. – Но фигурант в наших широтах не задержится. Вернемся в гостиную, господа?

Страх переходил в тупо пилящую головную боль. Анджей мог бы вырваться из этого ада, добраться до дома, запереться в квартире. А дальше? Звонить в полицию? «Гениальному сыщику» Павлу Айзику? Делать харакири? Он на крючке у тайной организации. Этим господам нужен «посторонний» человек (проще говоря, козел отпущения), которому можно доверить дело – не особо посвящая в подноготную. А в случае провала – не сокрушаясь потерей...

Кофе, к которому Раковский не притронулся, давно

остыл. Он опустил в кресло и закрыл глаза.

– Не желаете выступить посредником, Анджей? – вкрадчиво осведомился Замойский. – Вы человек, похоже, везучий. В случае успеха вы становитесь финансово независимым. Даем вам слово, что никогда не побеспокоим. Вы неплохо владеете английским, я не ошибаюсь?

– С точки зрения англичанина – плохо, – Анджей открыл глаза. – А если я откажусь?

– Не рекомендуется, – тихо вымолвила Шиманская, и в гостиной снова воцарилось молчание.

– Предлагаю не конфликтовать, – сказал Замойский. – На почве взаимной неприязни мы далеко не уедем. Вы помогаете нам, мы помогаем вам, в итоге все довольны и...

– Почему я? – задал Анджей сакраментальный вопрос.

Трое переглянулись. Ответила Шиманская:

– Вы же не думаете, что мы действуем по собственной инициативе? Так решили там... – Она задумчиво посмотрела на потолок. – Решения не обсуждаются.

– Тогда еще вопрос. Кто вы в миру, пани Ядвига? Ваша многотрудная деятельность по ликвидации мирового зла должна иметь надежное прикрытие. Вот пан Замойский, например, убежден, что в свободные от основной работы часы он руководит туристическим агентством.

– Неуместная ирония, молодой человек, – холодно произнесла эффектная дама. Лед и раздражение делали ее еще эффектнее. – Я заведу кафедру истории религий в одном

гуманитарном заведении. Мариуш Корвич – по профессии политолог, неплохо разбирается в своей области...

– Не понимаю, зачем об этом говорить, – раздраженно передернул плечами Корвич. – Мы топчемся на месте, боюсь, в Праге нас не поймут...

– Ваша миссия, Анджей, не такая уж сложная, – перешел к делу Замойский. – Вам предлагается выполнить работу посредника. Точка первая – Прага. Вылет двадцатого числа – рейсом авиакомпании «ЛОТ». О деньгах и визах беспокоиться не следует. Заграничный паспорт у вас есть, остальное – дело техники. Вы – крупный специалист...

– Серьезно? – удивился Раковский.

– Профессор Мировой академии живописи, – отрезал Замойский. – С соответствующими документами, которые вам подвезут, я думаю, завтра к вечеру.

– А такая есть? – засомневался Анджей.

– Есть, – кивнул Замойский. – Организация международная, четкий порядок отсутствует, что-то вроде союза вольных художников – хотя и является официально зарегистрированной. Никого не удивит, что профессору тридцать пять лет, он с трудом говорит по-английски. Думаю, в соответствующей компании вы сумеете блеснуть – знаниями и способностями. Итак, самолет летит до Праги...

– Салон бизнес-класса? – не удержался Анджей.

– Нет, – саркастически улыбнулся Корвич. – Салон называется «бизнес не удался».

– Жаль. Вы сказали, Прага?

– Да. Площадь Вацлава, Лафетная улица, отель «Маргот». Он небольшой. Проблем с заселением не будет. Пару дней походите по городу, к вам присмотрятся. Просьба не попадать в истории. Далее с вами поговорят и предоставят подробные инструкции. А также документы, если понадобятся, и карту «Американ-экспресс».

– Минуточку, – запротестовал Анджей. – Вы предлагаете мне одному собрать до кучи шестерых уродцев?

– В инструкциях всё будет подробно изложено, – с расстановкой сказала Шиманская. – Но генеральная линия не изменится. Собирать до кучи уже не придется. Начало положено. Оракул отправляется в Прагу.

«Надеюсь, не одним со мной рейсом», – с тревогой подумал Анджей.

– Где он будет храниться в Праге, вас не касается. И почему у Оракула столь сложный маршрут – через Берлин и Варшаву, – вас тоже не касается. Вам предоставят номер почтового ящика, куда следует отправлять посылки, и контактный телефон. Каирский адрес – получите на месте. Незачем выкрадывать Обезьяну и Предка. Просто ознакомьтесь с условиями их экспонирования, присмотритесь, а потом обо всем доложите по телефону.

– Непонятно, зачем вообще ехать в Каир, – наморщил лоб Анджей.

– Повторяю еще раз, – нахмурилась Шиманская. – До-

клад по телефону. Прослушаете инструкции и будете их выполнять. Скажут покинуть Египет – покините, нет – останетесь. Закончив работу в Каире, вылетите в Мексику. Городок Аризава, ранчо Луиса Морталеса. С данным господином, снимающим сериалы для домохозяек, имеется твердая договоренность. Инструкции по поведению получите отдельно. Каким образом будет производиться расчет – не ваше дело. Заберете Мудреца и отправите посылкой в Прагу. Далее – милости просим на Мадагаскар. Архипелаг Кулумба, кусочек рая – замечательные, с точки зрения отдыха, острова. От городка Фангана на архипелаг курсирует катер. Некто Теренс Хилл согласен уступить Колдуна по сходной цене. Надеюсь, переговоры пройдут без осложнений.

– Дороговатое путешествие, – заметил Анджей.

– Деньги не ваши, – отрезал Замойский, – Во всех упомянутых странах действуют карты «Американ-экспресс». Кроме того, у вас будут наличные деньги. А также адвокат... да да, не удивляйтесь, его зовут Жискар Бродерик, он проживает в Брюсселе на авеню Леглас, и все его координаты у вас, разумеется, будут. Счет на телефоне практически безлимитный.

– Отрадно слышать, – пробормотал Анджей. – Насчет адвоката – вы меня развеселили.

– Вам придется запомнить ряд телефонных номеров, – сказала Шиманская. – Воришки промышленяют не только в Польше. Так что напрягитесь. Из Мадагаскара полетите на

берега туманного Альбиона. Из Лондона до Абердина летают самолеты, ходят поезда и ездят автомобили. Местечко называется Вернесс – тридцать верст от Абердина. С господином Ройzmanом состоялись предварительные переговоры, он готов уступить Жреца – правда, требует за него баснословные деньги, но сторговаться можно. В ваши обязанности не входит вести торг – только передавать информацию.

«Странное поручение, – подумал Анджей. – Волокита приличная, но только ли из-за лени они хотят взвалить ее на меня?»

– В случае удачного разрешения переговоров вам предписывается немедленно отправить Жреца в Прагу, – прохладно закончила речь Шиманская. – На этом миссия считается выполненной. Не надо думать, будто вас собираются обмануть с деньгами или подвергнуть в финале какому-нибудь некрасивому насилию. Только хеппи-энд. Наша организация умеет воздавать по заслугам.

– Сейчас вас отвезут домой, – добавил Замойский, – и заберут ваш паспорт. За квартирой будут наблюдать, не волнуйтесь. Из дома не выходить, к двери не приближаться, на телефонные звонки не отвечать. Запомните номер сотового телефона, – Замойский продиктовал несколько цифр. – Завтра вечером Лукаш привезет необходимые документы. Соберите вещи, но немного – все необходимое купите в порту или... да где угодно. Прямой рейс до Праги послезавтра, в 14:20 местного времени. Лукаш заедет за вами в десять утра,

привезет сюда, и вы получите дополнительные инструкции, если таковые появятся. Отсюда вас доставят в аэропорт, который, сами понимаете, рядом.

Трое наблюдали за реакцией Анджея. Мозги устали обрабатывать информацию. Чего хотят? Понятно, что Раковского насаживают на крючок. За его перемещениями будут следить, в то время как... Произойдут параллельные события? И всё, о чем распинались эти трое, – отвлекающий момент? Не похоже. От божка, спрятанного в сейфе, исходила мощная аура, комментарии излишни. Да и реакция этих мутных людей на африканское чучело...

– Позвольте вопрос не по существу, – сказал Анджей. – Допустим, случится чудо, и божков сведут вместе. Дружная семья воссоединится. Настанут всеобщий рай и благоденствие. Для кого, если не секрет, настанут всеобщий рай и благоденствие? Как это будет выглядеть? Где? На какой территории?

Тысяча к одному – правдивого ответа он не дождетя, а все равно занятно, каков же будет ответ.

– Знаете, пан Раковский, – устало вздохнула Шиманская, – прошу прощения, конечно, за резкость, но шли бы вы к черту с такими вопросами. Где мы возьмем ответ?

Предельно откровенное признание.

– Есть способ познания истины – экспериментально-опытный, – добавил Замоийский. – Эти шестеро, Анджей, уже натерпелись в разлуке. И мир от них натерпелся...

Звонки раздавались с назойливой регулярностью. Раковский не отвечал. Лежал и убивал время. Занятие несложное – не нужно даже прицеливаться. Все его представления об африканских религиях ассоциировались со страшноватым культом Вуду. Защитные тайные церемонии, ритуальный каннибализм, управление сознанием другого человека – якобы от действия злых сил может защитить только более могущественная сверхъестественная сила. Колдун мбацав выбирает кандидата и с помощью яда вводит в состояние клинической смерти. Несчастливого хоронят, он становится зомби, мбацав вызывает умершего из могилы, и его вторично приносят в жертву. На Гаити убивают ядом рыбы-пузана (мгновенная смерть); на островах Карибского бассейна считается, что погребенных зомби можно вернуть к жизни, и они будут слепо повиноваться тому, кто их убил. На Гаити свято верили, что диктатор Франсуа Дювалье наделен сверхъестественной силой и всех собственноручно убитых превращает в зомби, чтобы сделать из них невидимых шпионов...

Анджей перелистывал паспорт с визами ряда государств (плюс такой же, но фальшивый, на имя почему-то Карела Волчека), какие-то липовые корочки, «удостоверяющие» личность, кредитные карточки, список телефонов, авиабилеты, пухлый конверт с валютой. Допил виски – с трудом, но допил. Пить не хотелось. Он включил телевизор, выслу-

шал порцию новостей, завистливо понаблюдал за похождениями постаревшего Джекки Чана (говорят, что где-то существует тайное кладбище его дублеров), не понимая, почему этому парню всё удается. Городской телефон замолк, затрещал сотовый. Звонила Алиция, звонил Павел Айзик, звонили из академии, из Варшавского отделения Союза польских художников (а этим-то чего надо?). Он сунул телефон под подушку, принялся нарезать круги по студии. Осенила идея: порывшись в комод, нашел старую СИМ-карту, сдул пыль, вставил вместо новой и позвонил Алиции.

– Здравствуй, солнце! – воскликнула девушка. – Как прикажешь это понимать? Я звоню ему каждый час...

– Прости, Алька, – скорбно вымолвил Анджей. – Но больше не звони, не ищи, отныне мы с тобой общаемся только мысленно. Так надо.

– Иисусе, опять с тобой, солнце, что-то случилось?

– Почему ты меня все время называешь солнцем? – занервничал Анджей.

– Да потому что у тебя сплошные затмения! Ну, куда, скажи, ты опять собрался? В гастрольный запой? Можешь объяснить нормальным человеческим языком, что за ерунда происходит?

«Предложение ей, что ли, сделать? – уныло подумал Анджей. – Расстаться по-хорошему...»

– Давай без истерик, – буркнул он. – Я должен ехать. Жди меня.

– Ждать тебя?! – заорала девушка. – Как Пенелопа Одиссея – двадцать лет?! Признайся честно, ты нашел кого-то за эти сутки?

– Не до вас, – признался Раковский.

– Да уж, – обрадовалась девчонка, – от разрыва достоинства ты не помрешь.

В добрые средневековые времена таких змеюк сжигали на кострах – мужчины, страдающие от нехватки женского тепла. Он оборвал связь и набрал телефон Айзика.

– Привет, – удивился Павел. – А я звонил тебе несколько раз.

– Больше не звони. Я в подполье, Павел.

– Серьезно? – испугался Айзик.

– Тебя не касается. Но воздержись от беспорядочных деловых связей. Спрячься на пару дней. Организация Ангерлинка села на хвост, требует оказать услугу. Развлекательное турне, так сказать. Мне очень жаль, что подключил тебя к сбору информации на этого типа...

– Вот черт... – раздался стук, очевидно, Павел схватился за голову, выронив телефон. – Слушай, Анджей, я могу подключить бравых ребят, тебя отмажут. У меня знакомый в руководстве GROM, ребята с удовольствием поиграют мускулатурой. Услуга, конечно, коммерческая, но что не сделаешь ради нашей безопасности. А может, мафию свистнуть? Из Варшавского... хм, гетто.

– Павел, прекрати, – поморщился Анджей. – Завтра я уез-

жаю. Не звони. Не будет вестей в течение двадцати дней – принимай меры. И еще. Если срочно потребуется твоя помощь, я могу рассчитывать?

– Конечно, – неуверенно сказал Павел. – Ты имеешь в виду... выезд за кордон?

– Да.

– Не вопрос, – выдавил после трудной паузы Айзик. – Обращайся в любое время и... если уж не хочешь, чтобы я тебе звонил, позванивай сам.

– Конечно, – пообещал Анджей и отключил мобильник.

В десять утра Лукаш не приехал. С этого часа началась нервотрепка. Раковский сидел посреди захламленной студии и уныло пялился на собранную дорожную сумку. Снова ритуальные пляски перед глазами. Чертово воображение... В половине одиннадцатого стало ясно, что Лукаш не придет. Слишком строга организация, чтобы допускать опоздания. Передумали? Оставили в покое? Изменились обстоятельства? Но его бы поставили в известность, изъяли документы, карты, деньги. Позвонили бы по «выделенной линии», наконец...

Какие мы загадочные. Кстати, насчет «выделенной линии»... Анджей извлек из памяти вереницу цифр, ввел в мобильный телефон. Протяжные, противно вибрирующие гудки. Вторая попытка дозвониться тоже провалилась. Абонент не отвечал. Все происходящее могло сойти за белую горяч-

ку, кабы не эти проклятые материальные ценности: документы, карточки, деньги. Не срослось что-то у подручных Ангерлинка. И это не повод для радости.

В десять сорок он начал психовать. В десять сорок пять подскочил к окну, отогнул шторку. Где вы, бесы? Коротышка с газеткой, мужчина в телефоне... Кто-то собирался войти с ним в контакт. Кто-то должен был подъехать позавчера в пять вечера. Вероятно, подъехал, но Лукаш увез его в полдень, а назад доставили в шесть. Довели до квартиры, как важную персону, пообещав, что не допустят посторонних...

Словно вилами проткнули: ты в опасности! Квартиру не сторожат. Анджей надел ботинки, загремел ключами. Хорошо, что дома никакой живности, кроме клопов. Перекрыл воду, выдернул приборы из розеток. В подъезде столкнулся с разведенной соседкой Блаженной с верхнего этажа, раскланялся, поговорил на бегу о погоде, о том, что надо срочно бежать на вокзал «Варшава Восточная», где дожидается поезд к счастью. Он дошагал до арки, откуда выезжало что-то большое, со значком «Ситроена». В голове включилось: из полумрака вылупился хромированный капот, тяжелый бампер, способный снести остановку, Анджей нагнулся, делая вид, что завязывает шнурок. Машина протащилась мимо, он разогнулся, смотрел с тоской, как внедорожник тормозит у его подъезда, вылезает субъект с минимумом растительности на черепе, задумчиво устремляет ввысь пыливый взор...

Раковский юркнул в арку. От офиса парфюмерной фирмы, упрятанного глубоко в подвале, отъезжало такси. Анджей махнул рукой. Опустилось стекло, обозначился череп водителя. Поколебавшись, он указал на заднее сиденье – ладно, садись...

Анджей вышел в Урсусе, перебежал улицу Зелинского и вскоре уже тоскливо обозревал дубраву, приютившую малоэтажный поселок. Подтянул сумку и зашагал навстречу судьбе...

Уже виднелись завитушки ограды, увитые декоративным хмелем. Он встал. Как-то неуютно стало. Ворота приоткрыты. Ни собак, ни охраны. Раковский свернул в примыкающий переулок, пропустил мимо кустов серебристой акации. Задняя калитка в зарослях мимозы. Замок отсутствовал. Имелась цепь, но концы ее свободно болтались. Он приоткрыл створку, пролез на территорию участка и быстро свернул с дорожки. Дискомфорт на душе – огромный. На тридцать пятом году относительно честной жизни учинить проникновение в чужое жилище? А вдруг соседи увидят?

Тишина на соседнем участке. Никого. Анджей нырнул в «вишневый сад». За клумбой с огненно-красным розарием и белоснежным лилейником уже просматривалось крыльцо. Дверь была приоткрыта...

Он сунул нос в прихожую, вошел. На полу лежал мертвый здоровяк Лукаш... Лицо покойного исказила судорога. От-

крыл кому-то дверь и... Смерть наступила не от пули, не от ножа. Укол парализующего вещества или что-то в этом роде. Скончался не сразу, боролся за жизнь – но, увы, не с тем, кто его убил. Убийца прошел в дом, мимо агонизирующего телохранителя, а этот бедолага блуждал по прихожей, ослепнув, задыхаясь, сорвал вешалку, зеркало, опрокинул табурет, а потом упал бездыханный...

Пани Ядвига Шиманская спешила из гостиной на шум. Не дошла. Нога подвернута, волосы рассыпаны по полу, лицо красивое до одурения. В распахнутых черных глазах – бездна изумления...

Корвич не придумал ничего умнее, как броситься на лестницу в подвал. Пытался защитить Оракула? Но и его наступили на середине пролета, вонзили иглу... Молодой политолог лежал на ступенях, головой вниз, зарывшись в черноту полуподвала...

Анджей стоял перед лестницей и напряженно вслушивался. Царила могильная тишина. В остывающей компании не хватало Замойского. Может, это он их?..

Раковский сдерживал себя из последних сил, чтобы не броситься к двери. Спокойно надо уходить, с достоинством. Он оторвал ногу от пола. Скрипнула плитка паркета. Из гостиной – вторая дверь, на застекленную веранду. За верандой сад, дорожка к калитке на задворках. На цыпочках прошел в гостиную, снял с плеча сумку. В гостиной никого, кроме девочки с персиками и девочки с горностаем... Одино-

кая чашка с кофе на журнальном столике. Пепельница, горка окурков. Ни дымка, ни пара...

Анджей подкрался к двери на веранду, осторожно потянул на себя. Полезная штука – интуиция! Тень мелькнула между окнами. Он распахнул дверь и, когда некто в сером, с гладко выбритой головой (а у таких людей приметы размыты) ринулся в проем с веранды, с силой захлопнул дверь! Лопнуло стекло, окатив пришельца осколками. Бритый закричал. Анджей допрыгал до центра помещения, обернулся. «Маломерка» с окровавленным лицом ворвался в гостиную, заметался. Свалить такого – штука несложная. Раковский ринулся в контратаку, чтобы нокаутировать одним ударом, но тот махнул рукой, в которой что-то блеснуло. Страх многократно усилился. Такого лучше не касаться! Раковский ушел в сторону, сумка потянула в другую. Свалился на колени, перевернув журнальный столик, о который немедленно запнулся бритый. Рука с баллоном рассекла воздух. Сверкнула тонкая игла. Пришелец что-то прошипел, провел рукой по окровавленному лицу. Вскричал от боли, напоровшись на осколок. Анджей откатился к дивану – очень кстати. Бритый кинулся, выставив смертоносную иглу. Раковский швырнул ему под ноги сумку, прыгнул вбок, отбив колено. Тот запнулся – не повезло, треснулся черепом об основание камина. Крепкий орех. Когда Анджей поднялся, подобрав сумку, этот «киборг» тоже вставал – пошатываясь, аппетитно слизывая кровь с губ. Оружие с иглой он держал перед собой,

на вытянутой руке. Злой огонек поблескивал в его глазах...

Еще немного, и можно опять начинать геройствовать. Но героями не рождаются, героями умирают. Анджей попятился, хрустнув осколками, оттянул ногой дверь на веранду, пробкой вылетел в сад...

Гравийная дорожка, переулок... Он отбежал от дома метров тридцать, когда раздался топот на веранде. Раковский юркнул в боковой проезд, помчался мимо зеленых насаждений, еще раз свернул, выбежал на окраину поселка, пересек мостки над оврагом, пустую баскетбольную площадку (куда все люди пропали?!), ворвался в лес...

Минут через пять выбрался из кустов на проселочную дорогу и перевел дыхание. Лес отступил, проезжая часть укатана, но машин не видно – это еще не трасса в аэропорт. Дорога дальше, за поворотом, в нее и вливалась второстепенная дорога. Раковский сделал несколько шагов и встал как вкопанный: взревел мотор, подмяв молодняк можжевельника, на дорогу взгромоздился темно-синий «Паджеро» с тонированными стеклами! Сердце ухнуло в пятки. Бессмысленно бежать: при наличии у пассажиров огнестрельного оружия игра в пятнашки закончится на восьмом метре...

Он стоял и ждал, что будет. Джип загородил дорогу, рывками сдал назад, едва не провалившись в водосток, криво встал на своей полосе. Открылась дверь, выявилось бледное лицо Замойского.

– Хвала Иисусу, Анджей, мы с вами не разминулись...

Он выглядел ужасно. Ни кровиночки, правая сторона лица искривлена, слова давались с трудом, глаза блуждали. Чтобы выйти из машины, потребовались титанические усилия.

– Садитесь в машину, Анджей, это Провидение вас сюда послало...

Раковский не трогался с места. Ноги приросли к земле, отодрать их можно было только домкратом.

– Это ваш человек там резвится, пан Кажимеж?

Замойский пытался вымучить доверительную улыбку. Но мышцы лица не работали. Побелели костяшки пальцев.

– Вы спятили, Анджей... Что за чушь? Живо садитесь в машину...

– Не сяду, – покачал головой Анджей.

– Объяснитесь...

– Хорошо, – согласился Раковский. – Объясняю. На пальцах. Средний видите?

– Тупица... – проскрипел Замойский. Он запустил дрожащую руку в пиджак, вытянул компактный серый пистолет, направил на визави. Анджей почувствовал, как всё внутри сжалось.

– Это не зажигалка, поверьте. У вас железные нервы, Анджей, а все железное когда-то ржавеет... Не уходите...

– И все же я попробую, пан Кажимеж, не нравятся мне ваши игры, – Раковский развернулся, сделал шаг.

Тявкнуло, словно собачка из-под колеса. Промазал? Анджей встал и медленно повернулся. Пистолет в руке Замойского подрагивал, казалось, вот-вот выпадет.

– Не искушайте судьбу, Анджей, могу случайно и не промахнуться... Где ваша хваленая интуиция, художник? Живо прыгайте в машину, глупец, пока нас тут не засекали!

Они проехали меньше километра, встали на обочине. Со лба Замойского стекал пот. Он конвульсивно вздрагивал, держался за руль обеими руками, не видя, что оставил включенным указатель поворота.

– На особняк напали, Анджей... Лукаш как раз собрался ехать за вами... – мужчине не хватало воздуха, он задышался. – Двоих охранников почему-то не оказалось на месте... Лукаш открыл... Парализующий яд, и через пару минут смерть... Я спустился со второго этажа, он уже расправился с Шиманской, бросился на меня... Я увернулся, но все же царапнул по руке, паршивец... Яд попал в организм, недостаточно, чтобы сразу умереть, но он разносится... Что-то отвлекло его, наверное, Корвич, была заминка, мне удалось добраться до машины... – Взгляд Замойского ненадолго сделался осмысленным, он с надеждой смотрел на Анджея. – Вам нельзя возвращаться домой, я не знаю, на кого работает этот ублюдок... Мы совершили ошибку, ума не приложу где... Посторонние выйти на нас не могли, это свои... Не спорьте, Анджей, я отвезу вас в аэропорт, должен довести...

Улетайте в Чехию, ждите инструкций. Расскажите обо всем тем, кто с вами свяжется...

– Какой аэропорт! – вскричал Анджей. – В ближайшую лечебницу! Посмотрите на себя!

– Где они найдут противоядие? – он горько ухмехнулся. – Не помогут даже в лучшей больнице... А если помогут, то пока мы до нее доберемся... Я не сказал вам самого главного... Им не удалось добыть то, за чем они пришли в дом... Оракул лежал в багажнике джипа, уже готовый к отправке... Об этом не знали даже Шиманская с Корвичем... Словно чувствовал – извлек из сейфа, упаковал в цинковый ящик – на час раньше срока... Так уж вышло, Анджей, Оракул должен был лететь в Прагу одним с вами рейсом... Но не полетит, слишком опасно...

Замойский явно лукавил. Он что-то интуитивно подозревал, а может, втайне от партнеров решил разыграть комбинацию. Но это уже не имело значения. В больницу ехать бессмысленно, он прав. Возвращаться домой – тоже не лучший вариант.

– Оракул зарыт на шестнадцатом километре Гржанской дороги, десять шагов на север от километрового знака, край леса, под поваленным дубком... Пусть лежит, не трогайте его... Расскажите в Праге...

– С кем я должен встретиться в Праге?

– Там узнаете...

Приключенческий триллер какой-то...

– Но вы не можете ехать в таком состоянии, – настаивал Анджей.

– Могу, пан Раковский... – Замойский вымученно улыбнулся, включил передачу. – Довезу... Бегите на регистрацию, она уже идет, а я навещу медицинский пункт в аэропорту...

Он медленно вел машину. Приходилось помогать поддерживать руль. Человек слабел. До выезда на трассу, идущую в аэропорт имени Шопена, уже рукой подать. Километра четыре, дорога уперлась в здание аэровокзала. Рывками машина проехала мимо контрольного поста, вползла на площадь, едва не ткнулась в бок таксисту, встала посреди проезжей части – напротив остановки.

– Выметайтесь, Анджей... – нога Замойского на педали тормоза дрожала, машина порывалась тронуться с места. Сзади кто-то сигналил, орал. Серый «Форд» с серебристым радиатором, фырча и чертыхаясь, пошел на обгон.

– Да кто тебя ездить учил, дубина?! – бурный поток замысловатых польских ругательств...

Жизнь Кажимежа Замойского подходила к концу. Он пытался продохнуть – тщетно. Жалобно уставился на Анджея, собрался что-то сказать, обмяк, расплылся по сиденью... Насторожились двое полицейских, мирно курящих у входа в здание. Автомобиль в неправильном месте им чем-то не понравился. Один нахмурился, что-то бросил другому. Коллега кивнул. Вынимая руки из карманов, служители закона от-

правились наперерез автомобилю. Водитель уже не дышал, рот был открыт, глаза широко распахнуты. Руки сползли с руля. Нога соскользнула с педали. Коробка передач автоматическая – машина медленно тронулась. Бравая полиция уже шагнула с бордюра... Спас пропащее положение экскурсионный автобус, обогнувший джип и вставший у обочины. Разноцветная публика потекла на тротуар. Большущий автобус заслонила полицейских. Анджей спохватился, выскочил из машины. Слева остановка, людям не до него – подошел двухэтажный автобус, граждане брали его штурмом. Он перебежал проезжую часть, слился с толпой. За спиной сквер, аллея, можно сделать крюк и пройти в здание. Раковский обернулся, прежде чем шагнуть за кустарник. Полицейские обогнули автобус, остановились, озадаченные. Джип, ведомый мертвецом, медленно въезжал в крыло экскурсионному автобусу...

Глава 3

Анджей сидел у иллюминатора, тщетно пытался отвлечься. Трупы перед глазами, бесконечные трупы, трупы... Он настраивал себя на жизнь в Чехии, но не мог избавиться от наваждения. Не доставят ему удовольствия прогулки по древнему городу, основанному славянским вождем по имени Чех. Да и бывал он уже в этой стране...

Раковский не реагировал на внешние раздражители – гул моторов компактного «Боинга», тряску в хвосте (лучше уж в хвосте, чем под хвостом), не слышал, как любознательная туристка из Лодзи засыпает его вопросами. Возможно, часть сознания что-то улавливала, он односложно отвечал, но то, о чем говорили, память не удерживала.

Весь перелет занял меньше часа. В древней Великоморавской державе моросил дождь, небо затянуло серыми облаками. Пассажиры, оживленно переговариваясь, тянулись к выходу.

– Дождь? – разочарованно проговорила туристка из Лодзи и уставилась на Анджея с надеждой – словно он мог разогнать тучи. – Послушайте, а это действительно Чехия?

– Ну... – он сделал неопределенный жест. – Не скажу, что такой уж непреложный факт...

– Шутите, – догадалась сообразительная девушка. – Послушайте, – проговорила она раздумчиво, – а что здесь ис-

поведуют?

– Туризм, – улыбнулся Анджей.

– Правда? – сказала девица. – А вы не из нашей группы? – она опять готова была завалить соседа вопросами. А он еще не соскучился по соотечественникам, да и голова была занята другим.

– Простите, пани, – он начал выбираться в проход. – Это точно Чехия. Исповедуют христианство, а я из другой группы. Простите, надо срочно бежать – компания, куда меня пригласили на должность кризис-менеджера, с минуты на минуту должна развалиться...

В аэропорту Рузыне он долго не задержался. Таможенник мельком глянул на документы, потом на несчастную физиономию предьявителя. Спросил практически по-польски:

– Профессор Раковский?

– Конечно, – удивился Анджей. Тот же вопрос ему задавали в родном аэропорту, и он не стал молчать – прочел работнику таможни краткий курс по мировоззрению Питера Брейгеля, по коему проводит важную исследовательскую работу с чешскими коллегами.

– Добро пожаловать, – таможенник выдал дежурную улыбку и протянул бумаги.

Подробности насыщенного дня остались далеко за кадром. Анджей ходил с пустой головой, не понимая, как оказался в чужой стране, почему никому нет до него дела. Стаканчик кофе из автомата, такси с шашечками, «кодовая»

фраза: «Староместская площадь»... Он ехал по старинному городу, в архитектуре и колорите которого переплелись готика, ренессанс, барокко. Хуже настроения придумать было невозможно. А ведь в этом городе множество музеев! Музей на горе Витков, эффектное белое здание, стоящее на том месте, где в 1420 году чешские войска, ведомые Яном Жижкой, в пух и прах разбили крестоносцев. Национальный музей – со знаменитым «Праздником чёток» Альбрехта Дюрера. Уйма великолепных памятников, архитектурных шедевров – крепость Вышеград, Кремль, рыцарский замок Карлштейн на южной окраине в долине реки Беруонки, Еврейский квартал, Еврейское кладбище. Можно неделями бродить и получать удовольствие. Почему не хочется?

Он знал этот город почти наизусть. За три года Прага не изменилась. Машин на улицах прибавилось, заведения уплотнялись. В одном из заведений он и отобедал, расставшись с таксистом. Потрясающая кухня, отличное маринированное «коллено», превосходное пиво «Кельт». Анжей отмечал это машинально, без умиления. В гостиницу «Маргот» идти не хотелось – он оттягивал «удовольствие» до последнего. Дождик кончился, Раковский бродил по старинным улочкам, толкаясь в толпе, чувствовал, как проходит головная боль, оживает организм. За несколько часов он исходил почти весь центр. Древнейшая часть Праги: Градчаны, Мала Страна – на левом берегу Влтавы; Старо Место – на правом. Между ними – знаменитый Карлов мост, самый ста-

рый мост в Центральной Европе, построенный еще при Карле Четвертом. Примечательная предмостная башня. Южнее Старого града – Новый город: Новое Място, появившееся в Праге еще в Средние века... Он полюбовался на Кремль, красующийся на высоком холме левого берега Влтавы, обошел собор Святого Вита – едва ли не самое древнее здание в городе, шедевр готического зодчества. Стоя рядом с такими монстрами, понимаешь, что небо не слишком высоко. Напрасно готическую архитектуру многие исследователи производят от арабской. Из последней она заимствовала лишь одно – сообщать тяжелой массе роскошь украшений и легкость. Но сама эта легкость передается иначе. Здесь все взаимосвязано: стройный лес сводов, узкие, с бесчисленными переплетами окна, сцепление с массой мелких, пестрых украшений, паутина резьбы от подножия до иглы шпиля...

Анджей бродил по узким улочкам средневекового Старого города, глазел на соборы и обычные здания, ко многим из которых приложил старание знаменитый ваятель Петр Парлерж. Три года назад он не обращал внимания, что в Праге такое количество роскошных пятизвездочных отелей. «Богемия», «Ренессанс», «Пахта Палас», «Мариотт», роскошный «Квестенберг» – практически все в историческом центре Златы Праги. Битый час он провел на Староместской площади, смоля сигарету за сигаретой. У старинной ратуши толпились люди – ожидали представления. Они смотрели на часы пятнадцатого века, с них всегда туристы не сводят

глаз. Периодически отворяются створки, появляются фигурки двенадцати апостолов. За апостолами является скелет – Смерть собственной персоной. Она зовет за собой двоих – у одного кошелек, у другого гитара и зеркало. Оба всячески отнекиваются, мотают головами, но Смерть тащит их за собой на аркане. Разражается воплем петух, начинают красиво бить часы...

«Странно, – лениво думал Анджей, – в Праге столько различных отелей, а меня поселили в какой-то дыре. Неспроста, наверное...»

К шести часам он опять проголодался. Побрел к Вацлавской площади, заглянул в подвальный кабачок, где к вящему изумлению обнаружил на витрине тридцать сортов местного абсента, отзывчивых официанток и все условия для потребления этого алкогольного напитка. С едой это как-то слабо вязалось.

– Драго, пан? – состроил участливую мину бармен.

– Ну что вы, – отозвался Анджей, – вовсе не драго. Деньги надо тратить, а то что-то многовато их стало... – он на пальцах объяснил работнику заведения, что не прочь бы покушать. На столе появился поднос с комплексным обедом. Но это не умаляло достоинств последовавшего за обедом абсента. Оказалось, что, помимо тридцати видов чешского абсента, в заведении предлагают сорок коктейлей на основе последнего. Выпить такое количество он не мог. Пришлось бы оккупировать столик на неделю. Но Раковский старался, и,

когда вышел из заведения, в голове основательно шуршало. Изменилось восприятие Праги. Он заметил, что в городе существуют люди. Много красивых девушек. Туристы всех мастей и наций. Музыканты, хиппи, наркоманы, карамельные попрошайки в одеяниях ветхозаветного покроя (не артисты ли местных театров?). Ссорились парень с девушкой, на испанском языке. Основательно перебравший, но гордый римлянин тыкался в переулки, тщась найти хоть одну дорогу, ведущую в Рим...

Анджей погулял по Вацлавской площади, по примыкающим к ней проулкам, отметив интересную особенность – если с наступлением вечера на тесных улочках Старого города тихо и спокойно, то Вацлавская площадь преобразуется в центр мироздания. Оживают рестораны, театры, кинотеатры. Клубятся толпы. Лафетную улицу он давно заприметил, пару раз прошелся в угрожающей близости от объекта, потом решил, что воздухом свободы он еще не надышался, отправился в сторону заката...

Он шел куда глаза глядят, выбрался из знакомого района. Пропали стрельчатые шпили здания, рококо и ренессанса, потянулись стандартные коробки – современные комфортабельные трущобы. «Народные» автомобили на подъездных дорожках, бродячие собаки, белье на веревках. Двое за столиком, никого не чураясь, употребляли желтый напиток из квадратной емкости без знаков различия, заедали полуфабрикатами. Далеко я забрался, удивился Анджей и осмотрел-

ся, прежде чем повернуть обратно.

На углу коробочки стоял человек и курил. Сбросил пепел, неторопливо отвернулся, стал рассматривать облезлую стену. Сердце тоскливо сжалось...

Анджей торопливо шагал по дорожке, свернул в переулок между серыми коробками, побежал мимо ветхих производственных строений. Погони не было. Без приключений (какая ни есть, а цивилизованная страна) он выбрался из злополучного района, направился в центр. Полчаса спустя нашел Лафетную улицу, убедился в отсутствии слежки. Улочка сравнительно широкая: можно пройти с разведенными руками, уставлена без просветов пряничными домиками с островерхими крышами, вымощена крупным булыжником, она петляла по всем координатам трехмерного пространства. Гостиница «Маргот» выделялась четырьмя этажами, орнаментированными пилястрами, была окрашена в мутно-желтый цвет и вряд ли могла удовлетворить взыскательный вкус привередливого клиента.

Но внутри было чистенько. Переизбытком постояльцев заведение не страдало. Посапывал швейцар на подоконнике, подтверждая правило, что на хорошей работе и сны интересные снятся. Портье, представительница прекрасного пола, за стойкой – второе правило: нет беспомощнее женщины, чем женщина с невысохшим маникюром. Анджей застал ее врасплох. Она выставила перед собой дюймовой длины

ногти и смотрела так, словно он явился опечатывать заведение. Но все прошло благополучно. Дама немного понимала по-английски. Для «профессора» из Польши нашелся одноместный номер на третьем этаже. Дама представилась Зденной Тарантовой и уверила клиента, что всегда к его услугам (характера услуг не уточняла). А еще он может положиться на швейцара Збышека, горничных Квету, Веру и Ярмилу. Поужинать здесь можно через дорогу – не такая уж даль – в заведении Янки Комарковой; там же имеется суши-бар, кафе, а на последнем этаже – уютный интим-салон, где молодые массажистки в любое время суток избавят клиента от избытка наличности...

Окончания перечня предоставляемых услуг Раковский не слышал – поднимался на третий этаж. Мутило от абсента, страха, одиночества в чужой стране. Он вставил ключ дрожащей рукой, вошел. В помещении было чисто, не придраться. Салфеточки, вазы, статуэтки, национальный колорит. Анджей бросил сумку, которая до боли натерла плечо. Сил хватило, чтобы запереться и нырнуть под шерстяное покрывало. Уснул мгновенно.

Проснулся тоже сразу, будто кто толкнул – проснись, все пропало! Он не помнил, чтобы в дверь стучали. Ворвалась какая-то Черная Мамба, явно перепутав его с вожделенным Биллом. А может, и не так – вежливо постучали, а когда никто не открыл, решили не беспокоить постояльца, восполь-

зовались отмычкой. Когда он открыл глаза, над ним стояло что-то черное, похожее на балясину с тонкой перемычкой, и простирало к нему загибающие руки. Возможно, его просто хотели потрясти за плечо. Или потрогать. Но страх, пропитавший художника, как формалин мертвеца, не мог оставить равнодушным. Анджей перекатился на другую сторону кровати, рухнул на пол. Женщина ругнулась по-чешски. Ей-богу, женщина – не балясина! Темнота кругом, только звезды мерцали, да с тротуара что-то отсвечивало... Он чувствовал, что за «Черной Мамбой» кто-то стоит. Откуда взялись силы? Раковский резко перевернул кушетку, кого-то придавив. Не женщину, увы. Черная фигурка проворно сделала акробатическую петлю и, когда он поднимался, чтобы броситься в угол, свалилась на него, обняв за горло. Синие круги поплыли в глазах. Удавка стремительно сжималась.

– Идиот... – с чудовищным прононсом зашипела женщина. – Вы точно сошли с ума! Вкрутите лампочку в голову, Раковский. Никто не собирается вас убивать...

– Так я и поверил... – Он выгнулся мостиком, чтобы сделать сальто, но его схватили за ноги. Показалось, что шея с хрустом переламывается. Женщина ослабила удавку, больно хлестнула ладошкой по щеке. Ох уж эта нестабильная женская психика...

Потом на него спокойно надели ботинки, вывели из гостиницы. Урчал мотор, машина ехала и часто сворачивала. Темный двор, лестница, скрипящие половицы. Стесненные

условия, мерцание настольной лампы. В тусклом свете было видно, что обстановка предельно спартанская, из удобств лишь два старомодных жестких кресла. В одном из них сидел высокий угрюмый человек: седой, осанистый, породистый. Он внимательно смотрел на доставленного живописца. Глаза поблескивали.

– Сожалею, что так случилось, Анджей, – тихо сказал человек. – Понимаю и разделяю ваше желание двинуть мне в харизму. Что за методы, Ружана? – переходя на английский, сказал он и вскинул глаза.

Женская фигура в темной одежде почти сливалась со стеной. Дама была невысока, коротко пострижена, с острым скуластым лицом, похожим на маску. Такой бы фурии больше подошло имя Фатима, а не Ружана.

– Объект не разобрался, – ровным голосом сообщила женщина. – Пытался оказать сопротивление...

– И оказал, – не без гордости сообщил Анджей.

– Оказал, – согласилась женщина. – У Карела что-то с коленом, а еще придется заплатить за кушетку.

– В следующий раз еще окажу, – буркнул Раковский, – если без стука повалите.

– Ладно, не буйствуйте, Анджей, – вздохнул носитель харизмы. – Инцидент исчерпан. Нормально долетели?

– Спасибо, господин Ангерлинк. Вот только порадовать вас нечем.

Глава тайной организации несколько минут пытливо его

разглядывал. Он неважно выглядел. То ли был болен, то ли чем-то расстроен. А в целом за прошедшие две недели господин Ян Ван Гедерс, предпочитавший являться миру под именем Ангерлинк, изменился мало.

– Присаживайтесь, – кивнул он на свободное кресло, – и постарайтесь всё хорошенько припомнить.

Анджей покосился на женщину. Та осталась в комнате. Прислонилась спиной к стене, скрестила руки на груди. Видно, пользовалась высоким доверием. Раковский прилежно пересказал события последних суток. Ангерлинк выбрался из задумчивого состояния, покачал головой, вытащил из кармана плоскую коробочку с сигариллами, закурил, окутав комнату терпким дымом.

– Неприятности, господин Ангерлинк? – угрюмо поинтересовался Анджей. – Не только у меня, но и у вас? Некая сила успешно противостоит вашим попыткам заполучить коллекцию умбара?

На виске Ангерлинка пульсировала жилка – явное подтверждение печального резюме.

– Давайте еще раз, Анджей, – он раздавил сигариллу в пепельнице. – Итак, вы подъехали к особняку, в котором обнаружили наших мертвых людей. Опишите подробно все, что вы увидели.

Раковский описал. И драку с наемным убийцей, и бегство из поселка, и умирающего Замойского на «Паджеро». Ангерлинк испытывал чудовищный дискомфорт – словно та-

рантул забрался за шиворот, а прогнать не позволяют строгости этикета. Женщина за спиной безмолвствовала, сверля взглядом в черепе Анджея дырочку.

– Что вам известно об Оракуле? – понизил голос Ангерлинк.

– Я видел его в сейфе, – он скорчил лицо честного человека. – Зрелище неважное. О судьбе Оракула мне не известно ничего. Оракул находился в подвале, но после атаки на особняк... не знаю.

Это был отчаянный риск. Прожженный физиономист, Ангерлинк мог пресечь его ложь без особых трудностей. Но Анджей напрягся, призвал на помощь все свои актерские способности. Очень хотелось иметь в проигрышной игре хоть один козырь.

– Замойский перед смертью ничего не говорил об Оракуле? – мрачно спросил Ангерлинк.

– Не говорил... – Раковский придал лицу задумчивое выражение. – Я думал об этом, господин Ангерлинк. Об Оракуле не было ни слова, ни звука. Была мысль, что пану Кажимежу удалось спрятать болванчика, в противном случае он не стал бы отмалчиваться. Думаю, Замойский недооценил свое состояние, считал, что сможет перебороть действие яда, полагался на медицину...

Ложь, похоже, прокатила. Ангерлинк сосредоточенно поигрывал позолоченной зажигалкой.

– Позвольте вопрос, господин Ангерлинк, – нарушил мол-

чание Анджей. – Имеет ли смысл после пропажи Оракула заниматься сбором остальных статуэток?

– Имеет, – очнулся от задумчивости Ангерлинк. – Условно будем считать, что ничего не было. В обозримом будущем мы совершим поездку в Варшаву, попробуем восстановить события рокового дня и, думаю, справимся с логической задачей. Но данное мероприятие состоится в будущем. Разорваться, к сожалению, мы не можем.

– Будем ждать, пока нас разорвут другие? – спросила Ружана.

Со строптивостью и ужасным характером этой маленькой химеры Ангерлинк, похоже, научился мириться.

– Если оппонентам не достался Оракул – а он, уверен, не достался, в противном случае не стали бы они сидеть и дальше в засаде, – то уже и не достанется, – глубокомысленно изрек Ангерлинк. – Первый уровень они не одолели, хотя настырно лезут на второй. А в чем правила игры, Анджей? На следующий уровень можно попасть, только перебив всех конкурентов на предыдущем. По счастью, они этого не сделали. А теперь о светлом и радостном, – Ангерлинк располагающе улыбнулся. – У вас имеется шанс оставить с носом противника и подняться на новый уровень.

– Я просматривал Библию, – поморщился Анджей. – «И будут последние первыми, а первые – последними...» Вы любите дергать за ниточки, господин Ангерлинк, совершенно не думая, как относятся к этому ваши марионетки. У меня

по-прежнему нет альтернативы?

– Есть, – глухо произнесла женщина.

– Ценю ваш черный юмор, – кивнул Анджей.

– Не обижайтесь, мой друг, – сказал Ангерлинк. – Не стоит вспоминать о правах человека. Двадцать второго числа, фактически уже завтра, вы вылетаете в Каир. Запомните номер, – Ангерлинк продиктовал цифры. – Это прямая связь со мной. И забудьте все остальные номера. Можете звонить в любое время суток, но... лучше не затем, чтобы в очередной раз пожаловаться на жизнь.

«А сами уходят в глубокое подполье, – подумал Анджей. – Не желают лишний раз светиться. Он чувствует, что вокруг организации происходит нездоровая возня, и не понимает, с чем это связано».

– Не стоит нервничать, Анджей, – тихо сказал Ангерлинк. – Скоро вас доставят обратно в гостиницу. Надеюсь, вы простите нас за это ночное... мероприятие. При свете дня возможны осложнения, поэтому мы выбрали темное время суток. А пока располагайтесь удобнее, обсудим некоторые технические и финансовые детали дела. Ружана, спасибо большое за присутствие, дальше мы справимся без тебя. Отдохни.

– Хорошо, фрейграф, – смиренно склонила голову Ружана...

В районе трех часов ночи черный автомобиль с мига-

ющим голубым огоньком над рулевой колонкой доставил его до гостиницы. Анджей угрюмо смотрел, как автомобиль будто растворяется в черноте. Совсем отбили сон. Фрейграф... Он подавил непроходящий зубовой стук и спустился в питейное заведение Янки Комарковой. По уверению Здены, оно работало до последнего посетителя и открывалось по первому зову случайного прохожего. Заведение, как ни странно, работало. Уютный погребок с оленьими рогами и бочками, чистенькие столики, одинокий посетитель в дальнем углу, сидящий неподвижно, обхватив голову руками. «Не шпик, – подумал Анджей. – Кто же знал, что я сюда завалюсь?» Девушка в переднике мыла пол ультрасовременной, оснащенной рычажками и кнопками шваброй. Над стойкой возвышался мускулистый субъект с лоснящимся черепом (неужели Янка Комаркова?).

– May I come in? – поинтересовался Анджей.

– Конечно, – на дикой смеси польского и чешского сказал работник. – Проходите, располагайтесь. Вы польский турист-профессор, который поселился в «Марготе»?

Анджей ответил кривой улыбочкой. Если скоро вся Прага будет знать, что «турист-профессор» поселился в «Марготе»...

– Чего изволите, профессор? У нас имеются пятнадцать сортов чешского пива, коньяк «Мартелл», «Реми Мартин» из Шампани, виски «Джек Дэниэлс», «Чивас Регал», шотландский скотч, текила «Сауза», «Херенсия»... А может, по

ночам вы предпочитаете шампанское? Тогда к вашим услугам имеется нежнейшее Moët & Chandon, «Вдова Клико»...

– Всего понемногу, дружище, – вздохнул Анджей. – Начинаем с малого и вперед – до полной победы над здравым смыслом...

Он понял, что такое организация Ангерлинка. Проклятая эрудиция, куда от нее спрячешься?.. Судебные тайные общества впервые возникли в германской империи после изгнания Генриха Льва. Середина XIII века. Самым зловещим из тайных образований было тайное судилище в Вестфалии: Vehm-Gerichte – священное судилище. Императорский суд уже не заседал, власть императора теряла влияние, безобразничали феодалы. Функции карающего меча переходили к тайным судам, никем официально не разрешенным. Принимались к «сведению» все преступления против христианской религии, Евангелия, десяти заповедей. У посвященных имелся тайный язык, шифрованные письма. Согласно мифам, за обедом члены судилища узнавали друг друга по вилкам, острие которых обращали к центру стола. Посвященные приносили клятву: «Клянусь в вечной преданности тайному судилищу, клянусь защищать его от самого себя, от воды, солнца, луны, звезд, всех живых существ, поддерживать его приговоры и способствовать приведению их в исполнение...» Стартовала судебная процедура с обвинения, которое делалось Вольным заседателем. Названному

лицу предписывалось предстать пред судом и лично председателем фрейграфа, пред которым на столе лежали обнаженный меч и ивовая веревка. Не являлся – приговаривали заочным решением, соответственно законам, изложенным в «Саксонском Зерцале». Приговор приводился в исполнение немедленно. Изгнание, разжалование, смерть. Шея приговаривалась к веревке, тело – к съедению птицам и зверям, имущество – к конфискации. Судилище внушало людям такой суеверный ужас, что вызова к вестфальскому Вольному графу боялись больше, чем к императору. Суды ликвидировали, последний – во Франции, в 1811 году. Но только формально. Священные судилища продолжали существовать – скрытно от глаз. Из уст в уста передавались страшные подробности приведения в исполнение «справедливых» приговоров: жертву спускали в подземелье, приказывали целовать гигантскую статую Святой Девы. Когда осужденный прикасался к святыне, она раскалывалась пополам, обнажая полость, утыканную гвоздями и лезвиями. Жертва с помощью механизмов втягивалась внутрь, дверцы закрывались. Несчастного пронзали гвозди и ножи. Через минуту разверзался пол, жертва падала вниз. Под люком крутились шесть больших, попарно расположенных барабанов. Каждый барабан был снабжен острыми клинками. Расстояние между барабанами сужалось по вертикали. Под страшным аппаратом имелось отверстие, в котором слышался плеск воды. Жертва – изувеченная, с выколотыми глазами – пролетала между ба-

рабанами и в виде мелко нарезанного фарша уносилась протекающим под «плахой» ручьем. Следов экзекуции не оставалось...

Анджей был клиентом беспроблемным. Никого не оскорблял, не бил посуду, мебель, персонал. К рассвету благодарный работник заведения вывел подгулявшего клиента из кабачка, поднял на поверхность и заботливо перевел через дорогу.

– Всего хорошего, мистер.

Он не был всмятку пьяным, невзирая на чудовищное количество выпитого. Ноги подкашивались, но голова оставалась ясной. Раковский взобрался на крыльцо, вошел в гостиницу. На подоконнике дремал швейцар Збышек. Здена Тарантова сидела с распущенными волосами за стойкой и говорила по телефону. Анджей побрел через вестибюль.

– О, да, пан Голота, я понимаю, вы хотите бронировать наш отель... – подобострастным тоном ворковала Здена. – Не извольте сомневаться, к утру, когда вы прилетите из Нью-Йорка, все будет готово...

«Ничего себе, бронировать отель, – лениво думал Анджей. – Из пушек будут расстреливать?»

– Пан Раковский? – изумленно сказала в спину Здена.

Он нехотя повернулся. Работница гостиницы положила трубку, блеснув вереницей золотых изделий на пальцах правой руки. Он вспомнил, что женщины делятся не только на

умных и красивых. Бывают еще и богатые.

– Как мило, пан Раковский, что вы опять с нами, – робко улыбнулась Здена. – А мы, сказать по правде, страшно испугались. Пришли угрюмые люди, увели вас среди ночи. Показали документы – вы не поверите – службы национальной безопасности... – она смотрела на него с какой-то помесью пугливости и любопытства.

– Глупости, пани Здена, – отмахнулся Анджей. – Просто старые друзья решили подшутить. Мы очень славно провели время. А что касается документов – то это ненастоящие документы, уверяю вас со всей ответственностью.

Работница гостиницы покачала головой и укоризненно сказала:

– Я вижу, что вы славно провели время. Посмотрите на себя в зеркало – оно у вас за спиной.

Очень странно выглядел человек, смотрящий из зазеркалья. Шевелюра взъерошена, мертвецки бледное лицо, глаза сузились до щелок и подрагивали. «Надо побриться», – подумал Анджей и побрел к себе.

Похмелье было чудовищное. Раковский очнулся в первом часу дня. Голова трещала и будто искрилась, как центр Варшавы в День независимости. Каждая клеточка тела умоляла о немедленном самоубийстве. Стук в дверь, и на пороге вырос очередной черный человек в опрятном пиджачке и фетровой борсалино.

– Вы пришли убить меня? – с надеждой спросил Анджей.

Пришелец брезгливо поморщился, бросил на стол белый конверт и удалился. Анджей застонал, откинул голову... Но вскоре он уже сидел за столом, сжимая пухнущую голову, и тупо рассматривал цветные книжицы. Двадцать второе июля – рейс на Каир. Двадцать пятое: Каир – Мехико, двадцать девятое: Мехико – Антананариву, второе августа: Антананариву – Лондон. Тот же день: Лондон – Эдинбург...

Карусель еще не стартовала. Сегодня у него свободный день. И завтра, до вечера...

«Свободный» день угрожал перерасти в заунывную монотонную пытку. Уснуть не удавалось. Он влез под душ и переключал воду с горячей на холодную до тех пор, пока не стало чуть легче. Доковылял до погребка Янки Комарковой, где и провел остаток дня, врачуя похмелье и с упоением надираясь заново. В кабачке царило веселье. Гудели туристы из Силезского воеводства, забегали на огонек поджарые полупьяные немцы. В углу щебетала, временами взрываясь хохотом, длинноволосая гей-компания. Анджей сидел за стойкой бара, потягивая цветные коктейли. Когда иссякла палитра, к нему полез брататься непримиримый боец за независимость Силезии. Он жаловался на жену-католичку, на скудное жалованье, не позволяющее путешествовать дальше Чехии. Так и подмывало дернуть за цепочку сливного бачка. Бармен завел пластинку – последний бездарный диск группы Babyshambles Пита Доэрти – ведущего английского нар-

комана, бродяги и пропойцы. Веселье в кабачке взлетело на новый уровень. Народ галдел, отплясывали мясистые дамы в штанах в обтяжку, сломался стул под увесистой тушкой туриста из Штральзунда. Геи испарились. Анджей от барной стойки перебрался за их столик, заказал какую-то дичь и стал тянуть пиво, отгородившись от суеты. Но об одиночестве оставалось лишь мечтать. Пару раз мимо столика артистично продефилировала крашенная проститутка в небрежно сидящем топике. Села напротив, вульгарно рассмеялась, взгромоздив на стол увесистую дамскую сумочку, и спросила по-польски с прибалтийским акцентом:

– Ты холостой, парень?

– Бракованный, – буркнул Анджей.

Проститутка развеселилась:

– Блеск. Что за крендель такой? Не надоело тут сидеть?

Пойдем подремлем?

Анджея чуть не стошнило. Он, в принципе, не возражал против проституции как института, но только не сегодня. Дама изрядно надралась. Откуда ее занесло в это «благопристойное» заведение? Рыжие волосы всклокочены, ухмылка не сползала с сильно накрашенного лица, губы с синеватым отливом, под глазами зеленые тени, юбочка – фасона трусиков, голос хриплый, прокуренный...

Избавиться от таких прилипал – проще поле вспахать.

– Да не кривись ты, – сипела проститутка, сбрасывая пепел под стол. – Чего как неживой, амиго? Встряхнись, уго-

сти даму выпивкой. Не вздумай геем притвориться, я вашего брата насквозь вижу...

– Глотай, – Анджей подтолкнул ей бутылку. – Но учти, не пойду я с тобой в постель, тошнит от таких, как ты.

Она не обиделась, задавила окурок, полезла рукой к нему в еду, бормоча, что бы съесть такого, чтобы похудеть. Она не выглядела худышкой. Впрочем, неприлично упитанной она тоже не казалась.

– Какой ты странный, право, – бурчала девица, – не ценить здоровый задорный секс.

– Ценю, – уверял Анджей. – Два раза в день, после еды. Но ты когда последний раз в зеркало смотрела, подруга?

– Давно, – путана отмахнулась и придвинула к себе тарелку. – Эйзоп... трюфобия, – она с трудом выговорила. – Боязнь зеркал. Угадай загадку: зимой и летом его нету.

– Счастья в жизни.

– Правильно, – удивилась путана. – Так и живем. Беготня, спешка. Подцепила тут красавчика за углом, не удержала – умчался в сторону заката.

– И меня не подцепишь.

– А это мы еще посмотрим, – она погрозила пальчиком. – Я упорная и очень обаятельная. Ты пей, парень, пей, откинь сомнения, а там посмотрим... – она подливала ему пиво, словно масла в огонь, а потом подозвала официанта. – Зубровку тащи, чего смотришь?

Анджей раскисал, сознание уезжало. Одно он знал опре-

деленно: спать с этим крокодилом он не будет, даже если крокодил ему доплатит. А остальное... даже забавляло.

– Звать-то как тебя, принцесса?

– Не имеет значения, – кокетничала путана. – Зови Фридой. Или Франческой. Прекрасное имя – Франческа. Есть в нем что-то и французское, и чешское...

– Ты полька? Чешка?

– Послушай, ты совсем не сечешь? Ну, какая я, скажи на милость, полька или чешка, послушай внимательно, мы же с тобой не на азбуке Морзе общаемся? Латышка я. Ла-тышка. А то, что польский знаю в совершенстве, – так это специализация у меня в порту Гданьска была по вашей линии...

Она лопотала, а Раковский уплывал в пьяном водовороте. О чем-то спорил с разбитной особой, что-то ей доказывал. Уверял, что она ничего не знает и не понимает. А та убеждала в обратном – она ходячая энциклопедия и знает всё. Каждые сто лет сутки удлиняются на двадцать три тысячных секунды. Земля вращается со скоростью 463 метра в секунду. Тридцать процентов британцев готовы отказаться от секса, если это позволит прожить до ста лет. Крепостное право в далекой России отменили в 61-м году – Гагарин полетел в космос, потому и отменили...

Он стонал от смеха и, очевидно, проболтался, что живет в гостинице напротив. Анджей ковылял к себе, путана поддерживала его под локоть и что-то ворковала. «Почему она за мной тащится? – равнодушно думал Анджей. – Ограбить

хочет?» На улице темнело, в вестибюле горели лампы. Танцующей походкой он протащился мимо Збышека, который не спал и смотрел на него широко открытыми глазами, мимо Здены, которая порывалась что-то сказать, но проглотила язык.

– Сестра моя, – объяснил нелепую ситуацию Анджей. – Вчера из лечебницы для умалишенных выписали, а сегодня уже на панели...

Но пани Здена порывалась сообщить что-то другое. Уже на лестнице путана взгромоздилась ему на шею. Анджей отбивался, так и волок ее на себе по коридору. Она бормотала, что ей не надо его денег, а хочется простого человеческого общения. Попал, злился Анджей, выскивая в штанах ключ от номера. Она и здесь пролезла поперек, первая проникла в номер. А дальше было просто и трагично. Проститутка шлепнула по выключателю, вспыхнул свет. Двое посторонних в номере – об этом и пыталась сообщить Здена! Мужчина приподнялся в кресле – серый пиджак, глаза решительные, как у палача. Пистолет с накрученным глушителем. Второй оторвался от косяка, сделал шаг. Путана оттолкнула «клиента». Но он уже ввалился в номер. Негромкий хлопок. Путана вскричала – как-то жалобно, пошатнулась, упала на колени... Он дернулся назад, чтобы вылететь из номера, но тот, у косяка, уже захлопнул дверь – Анджей ударился в нее спиной. Стрелок большим пальцем взвел курок. Дырочка смотрела в лоб. Над дырочкой глаза – пронзительные,

без тени юмора. Поехал спусковой крючок... Раковский оттолкнулся пяткой от двери, полетел куда-то в сторону, отбив ладони. Сбил неустойчивую тумбу, покатился по полу, сминая коврик. Удар затылком по ножке кровати. Загудело в черепе, как призывный набат...

Стрелку пришлось выбираться из кресла. Он подошел поближе. Второй скрестил руки на груди, смотрел на происходящее в качестве зрителя. «Мало выпил, – с досадой подумал Анджей. – Поддал бы по-свински, не так бы расстроился». Пистолет опять пристроился ко лбу. Палец на спусковом крючке заждался...

– Живо, парень, где Оракул?

А дальше – как в кино. Поторговаться не дали. Взметнулась попа в кожаной юбочке, разлетелись рыжие космы, и гибкое тело артистично прошло колесом. Взмах ноги, и человек с пистолетом выронил оружие, схватился за разбитое запястье. Второй сделал стойку, но колесо уже катилось в обратную сторону. Острый каблучок врезался под дых, мужчину согнуло и вырвало. Первый возжелал вернуть пистолет, но потерпел фиаско – метнулся к оружию и встретил серию ударов. Путана сосредоточенно лупила острым кулачком. Последний – в шею, стрелок издал звук ломающейся табуретки, разинул пасть, как гиппопотам, и рухнул носом в гобелен.

Настала подозрительная тишина. А может, уши заложило. Анджей рискнул подняться. Проморгал, привстал на колени. Мужчины валялись в живописных позах. У путаны на ли-

це было забавное выражение: какая, дескать, муха меня укусила. Она сидела на полу в позе турецкого человека, обнажив розовые трусики, и сосредоточенно выковыривала мизинцем пробку из уха. Топик сбился окончательно, открылся крошечный бюстгальтер без верхних лямок. Рыжие волосы встали поперек, сместились на затылок, теперь девица стала двухцветной – черно-рыжей. Между ног лежал пистолет с глушителем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.